

П. А. ФЕДОСОВ

ЖИЗНЬ
М. Н. МУРАВЬЕВА
1796–1866

ФАКТЫ
ГИПОТЕЗЫ
МИФЫ

Петр Федосов

**Жизнь М. Н. Муравьева (1796–
1866). Факты, гипотезы, мифы**

«Нестор-История»

2021

УДК 929
ББК 63.3(2)47

Федосов П. А.

Жизнь М. Н. Муравьева (1796–1866). Факты, гипотезы, мифы /
П. А. Федосов — «Нестор-История», 2021

ISBN 978-5-4469-1800-3

Предлагаемое читателям издание представляет собой биографию крупного государственного деятеля XIX века Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866), написанную его потомком в 5-м поколении П. А. Федосовым на основании архивных документов, писем и свидетельств современников.

В книге рассматривается история рода Муравьевых, анализируются все периоды жизни главного действующего лица. Автором предложен многофакторный анализ участия М. Н. Муравьева в тайных обществах. На основании малоизвестных архивных материалов описана управленческая деятельность и итоги его губернаторства в Могилевской, Гродненской и Курской губерниях. Анализируются вклад М. Н. Муравьева в создание и становление Русского географического общества, содержание и результаты его работы во главе Межевого корпуса, Департамента уделов и Министерства государственных имуществ. Предложено новое понимание его роли в осуществлении реформы 1861 года. Исследуется деятельность Муравьева по подавлению мятежа и проведению реформ в Северо-Западном крае в 1863–1865 годах, руководству следствием по делу Каракозова в 1866 году. Освещается история взаимоотношений с Николаем I и Александром II, рядом крупных сановников двух царствований. Автор книги предпринимает попытку реконструкции внутренней мотивации решений и действий М. Н. Муравьева на всех этапах его жизненного пути. Книга предназначена всем интересующимся историей России. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4469-1800-3

© Федосов П. А., 2021
© Нестор-История, 2021

Содержание

От автора	8
Введение	13
I. Род	16
II. Деды и бабки	30
III. Родители. Детство и отрочество	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Петр Анатольевич Федосов Жизнь М. Н. Муравьева (1796– 1866). Факты, гипотезы, мифы

© П. А. Федосов, 2021

© Л. А. Мосионжник, указатель имен, 2021

© Издательство «Нестор-История», 2021

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2021

М. Муравьев

От автора

Люди, о которых я собираюсь рассказать, жили два века назад. Кто-то чуть больше, кто-то чуть меньше. Два века – это много или мало? Смотря как мерить. Мои герои родились накануне наполеоновских войн и умерли за полвека до Первой мировой, они писали гусиными перьями и только к концу жизни узнали, что такое паровоз. Так что, если измерять два века событиями, которые произошли за это время, будь то вселенские катастрофы или достижения технического прогресса, то двести лет – это целая вечность.

Но можно мерить и иначе. Например, тем, сколько поколений успели сменить друг друга. Человек живет долго. Он самое долговечное существо среди млекопитающих, а среди всех позвоночных дольше человека живут разве что крокодилы и гигантские черепахи. Меня, родившегося в середине XX века, от людей, о которых я буду рассказывать, отделяют четыре поколения – мои родители, деды, прадеды и прапрадеды. Всего четыре. К тому же каждое из этих поколений не столько отделяет нас от тех, кто жил два века назад, сколько связывает с ними...

Из двух дедов и двух бабушек, которые положены каждому человеку, я застал только одну бабушку – моего главного учителя и воспитателя, главного старшего друга моего детства и отрочества. Она-то и стала для меня связующим звеном с будущими героями этой книги. В ее памяти и ее рассказах жили и оттуда переселялись в мое сознание люди, существовавшие, как мне казалось тогда, давным-давно, которых звали «папа» (с ударением на последний слог) и «маман». От нее же я впервые услышал фамилию Муравьевы и с удивлением узнал, что моя бабушка, Ирина Николаевна Адамова, в девичестве тоже носила эту фамилию вместе со своими «папá» и «маман». Чуть позже я увидел и фотографию «папа» – черноволосый мужчина с небольшой бородкой за столом, заваленным бумагами. На стене у него за головой висел портрет: немолодой широкогрудый военный с усами, но без бороды, волосы зачесаны назад. Бабушка сказала мне, что это ее прадедушка – Михаил Николаевич Муравьев.

Примерно в то же время в отрывном календаре я увидел странную картинку: пять мужчин в профиль и, как мне показалось, без одежды. Четырех мужчин в профиль я видел на картинках и раньше, но те были одетые, и к тому же трое с бородами, а один с усами. Эти были бритые. На мой вопрос бабушка пояснила, что это декабристы, что они восстали против царя и их за это казнили. Мне было лет семь, но я уже точно знал, что тот, кто восставал против царя, был героем. Сообщение бабушки, что один из казненных был родственником ее прадедушки и что этот прадедушка сам как-то участвовал в этом геройском деле, произвело на меня глубокое впечатление и преисполнило гордости за бабушкиного, а значит, и моего родственника.

Так Михаил Николаевич Муравьев вошел в мою едва начавшуюся жизнь, шагнув в нее через четыре поколения при прямом посредстве моей бабушки (его правнучки) и косвенном – моего прадеда (его внука).

Сейчас мне столько же лет, сколько было бабушке в ту пору, когда происходил этот разговор. Вот-вот появятся на свет мои правнуки. И между ними и моей бабушкой окажется столько же поколений, сколько насчитывается между мной и Михаилом Николаевичем Муравьевым, а я окажусь тем посредником, который поможет ей через четыре поколения шагнуть в жизнь моих правнуков...

С чувством гордости за предка я прожил 5 или 6 лет. Все это время я не упустил случая сообщать друзьям о моем родстве с героями-декабристами. Между тем бабушка, без особого, впрочем, успеха, учила меня немецкому и французскому и вспоминала какие-то эпизоды из своего детства. Что мать ее прекрасно пела, а отец играл на гитаре и на фортепьяно, хотя не знал нот. Что ей и двум ее сестрам совсем не давали денег, и они завидовали сыну садовника, когда тот приносил домой из лавки кулек леденцов. Что им не разрешали пить кофе («детям

вредно»), и отец специальной ложечкой доставал для каждой из своей чашки кусочек сахара, пропитанного мокко, и это казалось им самым большим лакомством. Таких рассказов было множество. Но когда я спрашивал, кем работал ее отец или хотел поподробнее узнать о Михаиле Николаевиче, бабушка меняла тему.

Мне было лет двенадцать, когда на внутренней стороне крышки деревянной шкатулки, в которой бабушка держала старые письма и которую мне без взрослых открывать было запрещено, я увидел выжженную надпись: «Гр. Ирина Муравьева». Я поинтересовался, зачем эта надпись и почему, раз написано официально – «гр.», то есть «гражданка», не написано отчество Николаевна. Первая часть ответа оказалась совсем простой: эта шкатулка была у бабушки, когда она еще подростком училась в институте и жила в институтском пансионе. У многих ее соучениц были похожие шкатулки, и надпись была нужна, чтобы их не перепутать. Но дальше я узнал поразительную новость. Оказывается, сокращение «гр.» означало не «гражданка», а «графиня», и этой графиней была моя бабушка. На мой изумленно-глупый вопрос: «А почему ты графиня?» бабушка ответила: «Потому что мой отец был графом». «Что же, все Муравьевы были графами?» – не отставал я. «Нет, – ответила бабушка спокойно и очень серьезно, – в нашей семье первым графом был мой прадедушка Михаил Николаевич. Он был возведен в графское достоинство со всеми своими потомками царем за заслуги перед отечеством». (Спустя 50 лет в Государственном архиве России я держал в руках Высочайший рескрипт о возведении М. Н. Муравьева в графское достоинство с собственноручной подписью императора: «Всегда благодарный Вам Александр».)

Но тогда, в 1963-м, я был смущен. Что-то тут было не так. Царь был для меня злом. Михаил Николаевич – героем, сопричастным героям-декабристам. Как же он мог оказаться графом по воле сына того самого царя, против которого они восставали? (К тому времени я уже проходил в школе историю СССР, и память у меня была хорошая.) Но дополнительных вопросов я тогда не задал. Что-то подсказало мне, что бабушке не захочется говорить неправду, а всю правду она мне сказать не сможет.

И я решил во всем разобраться сам. У родителей одного моего приятеля была Большая советская энциклопедия. Из нее я с изумлением и разочарованием узнал, что М. Н. Муравьев попал в энциклопедию не как герой-декабрист, а как жестокий подавитель польского восстания 1863 года, прозванный за свою свирепость Муравьевым-вешателем. Кем и заслуженно ли был он так прозван, я узнать тогда не мог, потому что в доступных для меня книгах об этом не писали, а бабушка разговаривать на эту тему упорно отказывалась. Вместо того чтобы разобраться, я еще больше запутался.

Лишь спустя годы я понял: произошло это потому, что в бабушке, как и в подавляющем большинстве людей ее поколения, жил страх, заставлявший тщательно скрывать в своей биографии все то, что могло стать основанием для повышенного и недоброжелательного внимания советской власти. А в бабушкиной биографии такого было ой как много. Предок – «вешатель» польских революционеров и личный враг А. И. Герцена, боготворимого большевиками. Отец – граф Николай Леонидович Муравьев, егермейстер двора его величества, в 1909 году был полтавским губернатором, а в 1912–1917 годах – губернатором Московской губернии. В 1918 году Н. Л. Муравьев эмигрировал, а две его незамужних дочери – моя бабушка и ее младшая сестра – по странным семейным обстоятельствам не смогли последовать за ним.

Обстоятельства эти были такими. Бабушкин отец был женат дважды. От первой жены, дочери известного предпринимателя, одесского городского головы, тайного советника Н. А. Новосельского, Ольги Николаевны, у него было три дочери. Старшая Елена, младшая Екатерина и средняя – моя бабушка Ирина. Прожив с Ольгой Николаевной лет десять, отец влюбился в гувернантку своих дочерей Веру фон Герстфельд, да так, что женился на ней, разведясь для этого с первой женой. Ольга Николаевна имела собственное небольшое состояние, но не захотела жить в столицах. Она выучилась на фельдшера и уехала сестрой милосердия на

Русско-японскую войну. Дочери остались с отцом, точнее, под его опекой, потому что дома они жили мало и были пансионерками: Елена – Смольного, а Ира и Катя – Московского института благородных девиц. Мачеха держала их в черном теле: не забирала на каникулы домой, а когда они все-таки попадали под отчий кров, не покупала им ни нарядов, ни сладостей. Отец запирался с дочерьми в кабинете, ставил на стол коробку конфет и командовал: «Лопайте, пока Веры нет».

Поначалу свет и двор отнеслись ко второму браку Н. Л. Муравьева скептически. Но в 1909 году он, будучи полтавским губернатором, принимал царя на празднествах, посвященных 200-летию Полтавской битвы. Император остался доволен и хотел выказать Муравьеву свое особое благорасположение. Жена полтавского губернатора была как раз на сносях, и царь, поняв его деликатную ситуацию, согласился стать восприемником будущего ребенка. Обещание он сдержал. Сохранился документ – письмо из канцелярии Министерства Императорского двора: «Милостивый государь Граф Николай Леонидович, имею честь уведомить Ваше Сиятельство о последовавшем Высочайшем соизволении на восприятие от Св. Купели Высочайшим Его Императорского Величества Именем, согласно Вашего ходатайства, родившегося у Вас 4-го сентября сего года сына – Алексея. Всемилоостивейше пожалованный крестинный подарок матери новорожденного имеет быть доставлен дополнительно». Светские толки о семейной жизни Н. Л. Муравьева приумолкли. Крестной матерью Алексея и, следовательно, кумой Николая II была единокровная сестра новорожденного Ирина, моя бабушка. Сестры ее так и дразнили – «царева кума»...

Во втором браке у моего прадеда было четверо детей, одна дочь умерла в детстве от скарлатины, так что к 1917 году осталось трое. Когда пала монархия, он начал готовиться к эмиграции, переводя постепенно имевшиеся у него средства за границу. Но грянул Октябрьский переворот, а затем и красный террор, и прадеду пришлось бежать из России, фактически спасая свою жизнь: как московский губернатор он оказался в списках классово враждебных элементов, подлежащих аресту, а впоследствии и показательному расстрелу. В этих списках значилось много крупных чиновников – губернаторов, министров, членов Государственного Совета. Буквально накануне предполагавшегося ареста прадед успел инкогнито покинуть Советскую Россию и благополучно добрался до Киева, где властвовал гетман Скоропадский, с семьей которого прадед был хорошо знаком со времени своего губернаторства в Полтаве. С его помощью и при поддержке влиятельных друзей и знакомых, которые оставались у Муравьева в России, удалось выправить загранпаспорта для жены и детей.

Паспорта для Ирины и Екатерины тоже были заказаны. (Их старшая сестра Елена к тому времени была уже замужем. Позже она служила медсестрой в санитарном поезде добровольческой армии, начальником которого был ее муж М. М. Осоргин. Осоргины покинули Россию в 1920-м на одном из последних пароходов, ушедших из Севастополя в Стамбул.) Итак, паспорта для Ирины и Екатерины были заказаны, но на каком-то этапе их оформления мачеха сообщила человеку, который «устраивал» это дело, что падчерицы не едут, а им самим – что для них паспортов не будет. Бабушка рассказывала, что они с сестрой очень обрадовались этому известию и не пытались выяснить причины такого решения. Главным для них было избавиться от «тети Веры», как они называли мачеху. Они даже ездили на Брянский вокзал, чтобы узнать, ушел ли наконец поезд, куда тетя Вера загрузилась с детьми, их няней и домашним скарбом. (Лет через пятьдесят после этих событий я как-то высказал предположение, что мачеха пеклась о будущем своих детей, ведь падчерицы могли претендовать на солидную часть состояния отца, которое он успел заранее переправить в Бельгию. Но бабушка заявила, что это маловероятно, что тетя Вера хотя и притесняла падчериц, но «была все-таки порядочной женщиной, раз на ней женился папа».)

Простояв два или три дня на вокзале, поезд с мачехой наконец ушел, а Ира и Катя остались в подмосковном Воскресенске (ныне г. Истра), где у отца было небольшое имение: «клас-

сово чуждые» девицы без опыта самостоятельной жизни, без работы и без карточек, в кровавом месиве 1918 года. Чтобы жить, нужно было работать. Наиболее естественной и, наверное, единственно возможной для сестер работой была школа. Образование позволяло: «золотые» выпускницы одного из лучших женских институтов России, они владели французским, немецким и английским языками, могли преподавать также музыку, историю, географию. В местной школе – она, кстати, до сих пор стоит возле Ново-Иерусалимского монастыря – были вакантные места. Но чтобы устроиться на работу, нужно было сообщить данные о себе. Здесь-то и родилась легенда о прямом родстве с Муравьевыми-декабристами, первыми русским революционерами и жертвами царизма. Родилась тем более естественно, что Михаил Николаевич с 1816 по 1821 год действительно был причастен к преддекабристским союзам и даже побывал под следствием. Легенда была, конечно, наивной. Достаточно было кому-то – соседу ли из-за кухонного спора или сослуживцу из-за карьерного соперничества – «проинформировать органы» о том, кем в действительности были бабушкины отец и прадед, и «царевой куме», конечно, не поздоровилось бы. Тогда история семьи, в которой мне суждено было родиться, скорее всего, вовсе не состоялась бы. Но все обошлось. Благодаря реальной образованности и мифической причастности к первым русским революционерам бабушку и ее сестру приняли на службу в советскую школу. Таким образом в 1918 году, через пятьдесят с лишним лет после своей кончины, Михаил Николаевич Муравьев принял участие в судьбе моей бабушки, а следовательно, и в моей судьбе – в смысле увеличения количества тех бесчисленных случайностей, в силу которых мне в конце концов было суждено появиться на свет.

Двадцатью тремя годами позже образованность, конкретно – знание немецкого языка сыграло в жизни бабушкиной сестры Екатерины печальную роль. В декабре 1941 года в оккупированном городе Истра немцы согнали всех местных жителей, которые оставались в своих домах, в том числе Екатерину с маленьким сыном, в каменную церковь и приставили к ним охрану. Не было ни еды, ни воды. Екатерина Николаевна попросила немца-часового принести воды, чтобы напоить детей, и воду принесли. Через несколько дней немцев отогнали, и кто-то из сидевших в церкви сообщил «куда следует», что она о чем-то говорила с немцами. Это стоило Екатерине Николаевне десяти лет лагерей в Караганде, которые урожденная графиня Муравьева оттрубила от звонка до звонка и вернулась в 1952-м без права проживания в столице и областных центрах. Бабушку такая беда миновала. Зато не миновали три похоронки с фронта: на мужа и двух сыновей.

Все это я узнал, уже будучи взрослым человеком, обремененным работой, семьей, участием во всех тех пертурбациях, которые выпали на долю послевоенного поколения россиян. Однако возникшее в детстве желание разобраться в биографии М. Н. Муравьева у меня никогда не исчезало. И вот теперь я попытался это желание исполнить.

Моя попытка осталась бы безрезультатной, а то и вовсе не была бы предпринята без совета и содействия многих доброжелательных и высоко профессиональных людей.

Благодарная память безвременно ушедшему другу, большому ученому А. П. Назаретяну, подсказавшему мне идею свести мои разрозненные заметки в книгу.

Искренняя и глубокая признательность известным специалистам по истории XIX века Т. Н. Жуковской и К. А. Соловьеву, любезно согласившимся просмотреть рукопись и высказавшим много ценных замечаний и полезных советов.

Большое спасибо директору издательства «Нестор-История» С. Е. Эрлиху, его заместителю Е. Ф. Качановой, редактору и корректору Н. В. Лесогору и Е. Г. Закревской, верстальщику Л. Е. Голоду стараниями, талантом и эрудицией которых рукопись превращена в книгу.

Введение

В 2016 году, когда я начинал работу над этой книгой, исполнилось 220 лет со дня рождения М. Н. Муравьева и 150 лет со дня его смерти. Он прожил долгую и причудливую общественно-политическую жизнь. Начал ее четырнадцатилетним студентом Московского Императорского университета, а закончил за месяц до семидесятилетия генералом от инфантерии, графом и председателем Следственной комиссии, отправившей на эшафот Каракозова – первого злоумышленника, покушавшегося на жизнь Александра II.

В 1863–1865 годах М. Н. Муравьев был едва ли не самым популярным человеком в России. Со всех концов империи ему слали приветственные адреса университеты, дворянские собрания, купеческие общества, крестьянские сходы. За его успехи возносились молитвы в тысячах православных церквей. В то же время в либерально-аристократических кругах его величали «людоедом», а вождь революционно-демократического лагеря А. И. Герцен называл поток приветственных писем к Муравьеву «адресоложством», а его самого честил «вешателем» и «вампиром».

Когда в начале сентября 1866 года император, наследник престола и весь двор на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры провожали Муравьева в последний путь, на печальной церемонии незримо присутствовали два разительно не похожих друг на друга мифа. В одном из них покойный представал самоотверженным героем без страха и упрека, могучим спасителем России, в другом – беспринципным ренегатом, беззастенчивым карьеристом, реакционером и едва ли не патологически жестоким палачом. Сосуществование и конкуренция двух «муравьевских» мифов продолжились и после его смерти. В первое время после кончины графа героический миф слегка поблек. Большинство общественно-политических изданий не сочли даже нужным поместить некролог. Но с середины 1870-х героический миф начинает оживать. При Александре III образ М. Н. Муравьева вновь оказался востребованным как символ русской силы. Принимается решение воздвигнуть ему памятник, и начинается сбор средств. В 1898 году памятник был установлен в центре Вильны, учреждается также посвященный ему музей.

В первые десятилетия двадцатого века по мере усиления в общественном мнении демократических тенденций и критического отношения к официальной историографии в трактовке образа Муравьева усиливаются критические ноты, восходящие к наследию Герцена. В 1915 году статью о М. Н. Муравьеве в энциклопедический словарь Гранат пишет будущий «глава марксистской исторической школы в СССР» М. Н. Покровский¹. Эта статья, выдержанная в жестко антимуравьевском духе, с середины 1920-х годов становится директивной для всех советских историков и всех отечественных энциклопедий, так или иначе упоминающих о Михаиле Муравьеве. В 1936 году историческая школа М. Н. Покровского подвергается разгрому, в частности за очернительство истории России. Но список конкретных имен, которые подлежат исторической реабилитации, очень короток и определяется непосредственно директивной инстанцией. М. Н. Муравьева в нем, конечно, нет. Нет в нем, правда, и имен десятков других выдающихся деятелей XIX века. Но если другие из истории просто исчезают, то Муравьев остается в качестве антигероя с обязательным атрибутом «вешатель». В особенно трудное положение при этом ставятся исследователи истории декабризма: без упоминания М. Муравьева им обойтись трудно, но они помнят, что по правилам сталинского исторического мифотворчества отрицательные герои не должны упоминаться в компании с героями положи-

¹ [Покровский М. Н.] Муравьев, граф, Михаил Николаевич // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / под ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского [и др.]. Изд. 7-е. М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», [1916]. Т. 29. Стб. 397–399.

тельными. (В ряде энциклопедических изданий, например, в соответствующих статьях упоминается о том, что А. Н. и Н. Н. Муравьевы родные братья, но о том, что Михаил Николаевич тоже их родной брат, не сообщается.) В пятидесятые годы простой выход из трудного положения нашла М. В. Нечкина, которая при упоминании М. Муравьева среди членов преддекабристских обществ сообщила, что «до ареста в 1826 году будущий Муравьев-Вешатель, жесточайший усмиритель польского восстания 1863 года, еще не проявлял своих палаческих черт»².

Ситуация изменилась только после того, как российская историческая наука была освобождена от идеологических императивов и политических запретов. В начале нулевых М. Д. Долбилов в ряде статей, опираясь на обширный архивный материал, глубоко и непредвзято проанализировал различные периоды деятельности Муравьева³. В 2007 году появилось диссертационное исследование С. В. Ананьева, с объективистских позиций освещающее политическую биографию Михаила Николаевича в целом⁴. В 2008 году были переизданы записки Муравьева с приложением выдержек из мемуаров его современников. Составитель сборника и автор предисловия К. В. Петров завершает подготовленную им развернутую биографическую справку призывом отказаться от оценки Муравьева только как «вешателя»⁵. В 2014 году Институт русского мира издал сборник воспоминаний современников о нем, включив в этот сборник в основном записки деятелей, симпатизировавших Муравьеву и его политике⁶. Наконец, в 2015 году Институт российской истории выпустил в свет монографию Э. П. Федосовой «Жизнь на службе империи», посвященную главным образом работе Михаила Николаевича в Северо-Западном крае⁷. (Мне Эльмира Петровна Федосова не родственница, а однофамилица. – П. Ф.)

Задача историка, изучающего тот или иной период прошлого, по простому, но емкому определению классика немецкой историографии Леопольда фон Ранке, состоит в том, чтобы узнать из документов и других письменных источников и описать для других «wie es eigentlich gewesen» («как это собственно было»). То есть как действовали люди, поступки которых в совокупности и составляют историческое событие. М. Н. Муравьеву выпало поучаствовать во многих важнейших событиях и свершениях отечественной истории 20–60-х годов позапрошлого века, причем во многих из них он играл заметную, порой даже определяющую роль. Понять, как, собственно, происходили эти события, без учета роли Муравьева невозможно. Да и сама эта роль, действия и мотивы Муравьева в разных исторических ситуациях, его эволюция как личности и как политика нуждаются в дальнейшем осмыслении. Многие периоды его жизни до сих пор едва затронуты исследованиями. Многие документы, хранящиеся в центральных, ведомственных и региональных архивах, не изучены.

² *Нечкина М. В.* Священная артель: Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова. 1814–1817 // Декабристы и их время: материалы и сообщения / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. М. П. Алексева, Б. С. Мейлаха. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 164.

³ См. статьи М. Д. Долбилова: Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000: сб. науч. ст. / отв. ред. А. И. Филюшкин. М.: Глобус, 2000. С. 338–408; Консервативная программа М. Н. Муравьева в реформаторском аспекте // современность: мат-лы междунаrod. науч.-практ. конф. М.: РОССПЭН, 2001; Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // Ab Imperio. Казань, 2001. № 1–2; М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6. С. 67–90; «... Считал себя обязанным в сем участвовать». Почему М. Н. Муравьев не отрекся от «Союза благоденствия» // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 195–215.

⁴ *Ананьев С. В.* М. Н. Муравьев-Виленский: политическая биография: дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратов. гос. тех. ун-т, 2007.

⁵ «Готов собою жертвовать...»: Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. / сост., вступ. ст., коммент. К. В. Петрова. М.: Пашков Дом, 2008.

⁶ Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском / сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедева; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. (Русская биографическая серия).

⁷ *Федосова Э. П.* Граф М. Н. Муравьев-Виленский (1796–1866): Жизнь на службе империи / Ин-т рос. истории РАН. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 2015.

Исторической науке в принципе не дано с исчерпывающей полнотой ответить на сформулированный Ранке простой вопрос. И дело не только в неполноте и неизбежной внутренней противоречивости источниковой базы, но и в многообразии действующих лиц и групп, скрытости и малодоступности для анализа истинных мотивов их действий. В зависимости от интересов и точки зрения наблюдателей и участников их свидетельства об одних и тех же событиях различаются. Порой весьма существенно, а иногда и диаметрально противоположным образом. Что же касается истинных мотивов исторических персонажей, то о них историк может только догадываться с той или иной степенью вероятности. Поэтому даже в тех заключениях, которые делаются на этот счет на основании, казалось бы, неоспоримых фактов, всегда и неизбежно присутствует какая-то доля гипотетичности.

Но если дать вполне удовлетворительный ответ на вопрос «как это было» науке не по силам, то продвигаться к картине все более полной и адекватной исторической реальности вполне возможно. Этим мы и займемся.

І. Род

Многие события, определяющие жизненный путь человека, происходят задолго до его рождения. За годы, десятилетия, а порой и за века. Эхо этих событий докатывается до нас из близкого и далекого прошлого через историческую память народа, к которому мы принадлежим, политическую культуру государства, гражданами которого являемся, через традиции и ценности той среды, в которой протекает наша жизнь.

В числе этих медиаторов между живущим поколением и событиями давно минувшими важное место занимает род – общность, включающая в себя потомков одного и того же предка, как живущих ныне, так и тех, кто жил прежде, – в той, естественно, мере, в которой факт их существования, их имена и их деяния закреплены в исторической памяти.

В XX веке революции, войны, социальные эксперименты, добровольная и принудительная миграция десятков миллионов перетасовали людей, перепутали, а то и порвали родовые связи. Мы все сегодня в какой-то мере и, как правило, не по своей вине «Иваны, не помнящие родства». Но в традиционных обществах с устойчивым сословным делением род был одним из важнейших факторов формирования человеческого «Я», одним из главных социальных гарантов и лифтов человека. К русскому обществу первой половины XIX века, в котором жил М. Н. Муравьев, это относится в полной мере. Внутриродовые и межродовые связи составляли центральную часть системы общественных отношений, в которых формировался и действовал человек. Неслучайно в русском фольклоре, встречая незнакомого человека, его прежде всего спрашивают, какого он рода-племени. Поэтому начать повествование о М. Н. Муравьеве я решил с обзора истории рода Муравьевых с момента первых упоминаний об этом роде до появления на свет моего главного героя, то есть с конца XV по конец XVIII века.

Об истории рода Муравьевых написано немало. В XIX веке были опубликованы несколько родословных, в том числе таких авторитетных авторов, как А. Б. Лакиер и М. В. Муравьев. Генеалогические обзоры имеются в посвященных М. Н. Муравьеву работах П. В. Долгорукова и Д. А. Кропотова.

В 1990 году в Москве прошла выставка, приуроченная к 500-летию рода Муравьевых. Экспозиция размещалась в залах филиала Государственного исторического музея – в Музее декабристов, бывшем особняке И. М. Муравьева-Апостола на Старой Басманной в Москве. Чтобы получить все еще необходимые тогда согласования в партийных инстанциях, организаторы заявили выставку, как посвященную роду декабристов⁸. Действительно, из рода Муравьевых вышло 8 человек, причастных к декабризму. Восемь человек из десятого поколения пятисотлетнего рода, которым выпало жить в первой трети XIX века, смогли прославить свой род в глазах одних современников и потомков или опозорить его в глазах других. Но они наверняка не могут претендовать на то, чтобы представлять род целиком – все 18 поколений Муравьевых, сотни мужчин и женщин, которые, сменяя друг друга, пять с лишним веков действовали и продолжают действовать в русской истории. Но создатели выставки, пойдя на небольшое лукавство, достигли главного: добились от государства, начавшего свою историю с уничтожения русского дворянства, разрешения на реализацию в одном из центральных государственных музеев проекта, посвященного не дворянину-революционеру, дворянину-поэту или дворянину-полководцу, а старинному дворянскому роду как таковому, со множеством деятелей, исповедовавших самые разные взгляды от ультрареволюционных до ультраконсервативных. С. Н. Муравьев прямо пишет об именно такой интенции выставки в своем предисловии к каталогу.

⁸ *Муравьев С. Н., Силаева М. Н., Якушкина М. М.* Выставка, посвященная 500-летию рода декабристов Муравьевых и Муравьевых-Апостолов: каталог. М.: Изд. авторов, 1990 (компьютерный набор). Титул. лист.

Тем не менее в родовой истории Муравьевых множество загадок и белых пятен, точнее – она вся состоит из белых пятен, изредка сменяющихся заполненными клетками. В нашей деревянной и часто горевшей стране генеалогические сведения, подкрепленные документами, – вообще большая редкость, и описание очень многих событий основано на изустных преданиях, передаваемых из поколения в поколение. Ну и, конечно, в России, как и во всех других странах, действуют общечеловеческие закономерности коллективной психологии, снижающие достоверность родовых преданий: избирательность памяти, уязвленные честолюбия, аристократические амбиции и показной демократизм.

* * *

Исторические события, определившие появление рода Муравьевых и его первые шаги, разворачивались в последней трети XV века – на завершающем этапе борьбы Ивана III за присоединение к Московскому государству Великого Новгорода, чьи земли простирались от Финского залива до Югры, далеко превосходя по площади владения поднимающейся Москвы. После многих лет политического и вооруженного противостояния республика на Волхове пала. В 1478 году Иван III принял Великий Новгород под свою руку.

Вскоре после этого события великий князь начал и в течение нескольких лет осуществил массовое перемещение значительной части новгородских землевладельцев в центральную часть Московского государства и размещение на отнятых у них землях служилых людей разных званий из московских, рязанских, владимирских, нижегородских и ярославских земель. Среди этих «новоселов» и упоминаются впервые Муравьевы.

Я уже приводил определение сверхзадачи исторической науки, предложенное Леопольдом фон Ранке: показать, «как это собственно было». Чтобы составить себе представление о первых шагах рода Муравьевых таким образом, который соответствовал бы этому требованию, нужно на основании имеющихся источников прояснить, когда конкретно прибыли Муравьевы на Новгородские земли и куда именно, кем они были до переселения на Северо-Запад и какой социальный и имущественный статус они приобрели на новом месте. Попробуем ответить на эти вопросы.

Известия о массовом переселении людей с Новгородчины в Центральную Россию, а из Центральной России на Новгородчину имеются в нескольких источниках. В Софийской первой летописи мы читаем:

«Год 6997. <...> Тое же зимы⁹ князь великий Иван Васильевич переведе из Новагорода из Великого многих бояр и житых людей, гостей, всех голов больше тысячи, жаловал их[,] на Москве давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городам; а в Новгород Великий на их поместья послал московских многих лучших гостей и детей боярских, и из иных городов из Московския вотчины многих детей боярских и гостей, и жаловал их в Новгороде во Великом»^{10, 11}

Картина вполне благостная: и тех и других великий князь «жаловал» – одних на Москве, других в Новгороде Великом. Правда, трудно представить себе, чтобы тысячи людей по доброй воле зимой бросили свои дома и отправились с женами и детьми на новое место жительства, до которого больше 700 верст (это месяц пути по меньшей мере).

Послушаем, однако, и другие известия. Софийская вторая летопись сообщает:

⁹ Зимой 1488/89 г.

¹⁰ Софийская первая летопись. Б. Окончание списка царского П.

¹¹ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1841. Т. 6: VI. Софийские летописи. Факс. изд.: в тип. Эдуарда Праца. СПб., 1853. С. 37. Далее – ПСРЛ с указанием номера тома.

«В лето 6997¹². <...> князь великий Москвич и иных городов людей послал в Новгород на житье, а их вывел, и многих изсечи велел на Москве, что, рекши, думали Якова Захарьича убити»¹³.

Тут картинка, как видим, совсем другая. «Великий князь послал»... Кого? Кто мог «привести из Новгорода» 7000 человек, включая по крайней мере пару тысяч мужчин, умеющих владеть оружием? Понятно, что это были какие-то воинские контингенты. Значит, всё в целом было карательной экспедицией и насильственной депортацией. И причина ее (или повод) указаны тут же: заговор с целью убийства наместника великого князя. Убийство, которое, если оно действительно планировалось, конечно, не было самоцелью, а, по всей видимости, должно было стать сигналом к восстанию против власти Москвы. О том же говорит сообщение об уже состоявшейся к моменту депортации казни части заговорщиков («думцов»). Что же касается разночтения в отношении численности депортированных, то оно легко объясняется. Видимо, в первом тексте речь идет только о численности глав депортированных семей, а во втором – об общей численности, включая женщин и детей.

Итак, массовое переселение новгородских «житых людей» на восток было, по существу, депортацией и сопровождалось репрессиями. Вряд ли и жители из центральных районов, прибывающие на место депортированных новгородцев, покидали родные места вполне добровольно. О репрессиях, правда, историкам ничего не известно, но строгий приказ великого князя, конечно, был. Были, вероятно, и посулы, к чему мы еще вернемся.

Эта принудительная «рокировка элит» понадобилась великому князю для того, чтобы защититься как от возможных реваншистских устремлений побежденной, но не уничтоженной антимосковской партии новгородской аристократии, так и от вероятных посягательств западных соседей вновь приобретенных земель – Великого княжества Литовского и Ливонского ордена. Для этого прежде всего требовалось достаточное количество людей, преданных Москве, владеющих оружием и способных при необходимости встать на защиту новых рубежей Московского государства, равно как и служить противовесом возможным республиканским и сепаратистским поползновениям местных элит. Таких людей не было в достаточном количестве в самом Новгороде. Поэтому их нужно было «импортировать» из других областей Московского государства.

Но чтобы разместить новоселов на Новгородчине, их необходимо было обеспечить источником существования, то есть, по понятиям того времени, населенными земельными владениями. Таковые возможно было получить, только отобрав их у хозяев-новгородцев. Депортация наиболее ненадежных элементов новгородской элиты позволяла одновременно избавиться от потенциальных смутьянов и очистить место для вновь прибывших адептов Москвы. Иван Васильевич был прагматиком, наделенным достаточной волей и достаточным цинизмом, чтобы осуществить такую рокировку.

Среди вновь прибывших помещиков мы находим немало выходцев из княжеских родов, а также старых московских и городских служилых фамилий – бояр и детей боярских. Но рядом с ними – множество малоизвестных имен служилого люда, в том числе «послужильцев» крупных магнатов.

В этой пестрой по социальному составу массе переселенцев на новгородские земли прибывает и основоположник интересующего нас рода Иван Муравей.

Относительно его происхождения и времени прибытия на новгородские земли существует несколько версий. Согласно канонической версии, восходящей к дворянским грамотам, выданным в XVIII веке¹⁴, Иван по прозвищу Муравей был сыном рязанского боярского сына

¹² 1489 г.

¹³ ПСРЛ 6. С. 238–239.

¹⁴ Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно: биограф.

Василия Олуповского (варианты написания фамилии – Алаповский, Аляповский и даже Аламовский. Последнее, впрочем, скорее всего результат описки¹⁵). В новгородский край он прибыл где-то около 1500 года вместе со своим братом Есипом по прозвищу Пуца, ставшим родоначальником Пуциных. Эта версия в основных чертах по сей день воспроизводится во многих работах¹⁶.

Грамоты на дворянство – это очень своеобразный источник, к сведениям из которого нужно относиться осторожно. Они часто составлялись на основании неполных и неточных данных, по изустным семейным преданиям. В рассматриваемом случае приходится ставить под сомнение многие указания основанной на дворянских грамотах канонической версии родоначалия Муравьевых.

Во-первых, время «испомещения» Ивана Муравья и его детей на новгородских землях – того события, которое стало поводом для первого документального упоминания о Муравьевых. Каноническая дата – 7008 год от сотворения мира, то есть 1500-й от Рождества Христова, – противоречит сохранившимся документам, из которых следует, что уже в 1493 и 1494 годах дети Ивана Муравья покупали холопов в Новгороде. На это еще в 1893 году обратил внимание исследователь генеалогии своего рода, выдающийся новгородский историк и краевед Михаил Валерианович Муравьев. Действительно, вот кабальная грамота 1493 года: «Григорей Мордвин Иванов сын Муравьев купил себе и своим детем Гредицу Феткова сына... И у него де Ивана служит Гридин сын Феткова Онисимко». То есть: Григорий Иванович Муравьев по прозвищу Мордвин (это старший сын Ивана Муравья) купил холопа Гредицу Феткова, сын которого Онисимко на тот момент служил у отца покупателя Ивана¹⁷. В подобной же кабальной записи 1494 года находим первое упоминание о третьем сыне Муравья, Михайле – от него и пойдет та ветвь Муравьевых, в которой триста лет спустя появится на свет главный герой этой книги. Вот эта запись: «Михайло Иванов сын Муравьев купил Павлеца Тимошкина сына Московитина да его жену Ориницу себе и своим детем»¹⁸.

Когда же Муравьевы оказались на Новгородчине и начался их род? М. В. Муравьев уверенно называл дату: 1488 год. Основной его аргумент в том, что именно под этим годом летописи упоминают массовую депортацию новгородских землевладельцев и прибытие на их места служилых людей из центральных областей. Эту версию повторяет «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», а за ними Большая энциклопедия в 62 томах и Большая Российская энциклопедия¹⁹.

Да, на 1488–1489 годы приходится пик грандиозной «рокировки элит», проведенной Иваном III. Но конфискации земель у новгородских владельцев и командирование на их места новоселов из Московских земель происходили и раньше, что подтверждается летописными текстами. Так, под 1484 г. читаем: «Тое же зимы поимал князь великий больших бояр Новгородских и боярынь, а казны их и села все велел отписати на собя, а им подавал поместья на Москве по городом...»²⁰. Значит, земли освободились, и переселенцы могли начать прибывать и раньше. И Иван Муравей с семьей был, похоже, среди этих первых переселенцев.

очерк, сост. Д. А. Кропотовым. СПб.: в тип. В. Безобразова и К^о, 1874. С. 1.

¹⁵ *Туманик Е. Н.* Александр Николаевич Муравьев: Начало политической биографии и основание первых декабристских организаций / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2006. С. 47.

¹⁶ *Федосова Э. П.* Указ. соч. С. 15; «Готов собою жертвовать...»: Записки графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 7–8; *Туманик Е. Н.* Указ. соч. С. 47.

¹⁷ Записная книга крепостным актам XV–XVII веков, явленным в Новгороде дьяку Алябьеву / Изд. Археогр. комиссии // Русская историческая библиотека. СПб.: Синод. тип., 1898. Т. 17 (сборный). Стб. 21. № 62. Л. 22 рукописи.

¹⁸ Там же. Стб. 57. № 163. Л. 62 рукописи.

¹⁹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и Н. А. Эфрона. СПб., 1897. Т. XX. Стб. 195; Большая энциклопедия в 62 томах. М.: Терра, 2006. Т. 31. С. 103; Большая Российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2013. Т. 21. С. 459.

²⁰ ПСРЛ 6. С. 36. Софийская первая летопись. Б. Окончание списка царского II.; ПСРЛ 8. С. 215. Летопись по Воскресенскому списку. Разночтение: *под городом*.

В источниках есть прямое указание на то, что Муравьевы вместе с рядом других семей были «испомещены» на новгородских землях, то есть стали новгородскими помещиками, ранее 1488 года. Оригинал этого сообщения «испомещавшего» их по царскому указу государева писца Дмитрия Китаева не сохранился, но сохранилось несколько частных разрядных книг, в которых имеются «выписи» из этого документа, большинство которых сделано в XVII столетии. В «выписях» имеются ошибки, например, великий князь Иван Васильевич именуется Иваном Даниловичем, но дата государева указа об «испомещении» воспроизведена точно: «Лета 6991 апреля в 8-ой день», то есть 8 апреля 1483 года²¹. В приведенном далее списке семей, которые были «в те поры испомещены в Вотской пятине», под номером 9 названы Муравьевы^{22, 23}. К этому документу мы еще вернемся.

В посвященной Муравьевым литературе имеются также разнообразные суждения о том, куда именно были поселены Иван Муравей и его дети. Кто-то говорит, что Муравьевы получили в управление Лужецкий уезд²⁴. Но Лужецкого уезда на рубеже XV и XVI веков не существовало. Кто-то рассказывает, что Муравьевым были пожалованы обширные земли, которые местами простирались до 10 верст²⁵.

Точный ответ на этот вопрос мы находим в переписной книге Вотской пятины, составленной в 1500 году тем же Дмитрием Китаевым и Никитой Губой. Основательность переписи поражает. Она содержит не только поименные данные обо всех вновь «испомещенных» семьях, но и сведения об их кабальных «людях» и проживающих на их землях свободных крестьянах, а также об объеме и номенклатуре их хозяйств и величине их доходов. Из нее мы узнаем, что в 1500 году сыновья Муравья Русин, Михаил и Иван Ивановичи были помещиками в Каргальском погосте Копорского уезда. Это примерно в 250 верстах от Новгорода на берегу Финского залива. Дворы Русина и Ивана находились «в сельце на Сойкиных горах у моря», где кроме помещиков жили также 17 крестьянских семей. Михаил, прямой предок нашего героя, тоже жил своим двором неподалеку, «в деревне на Сойкиных же горах», по соседству с двумя крестьянскими семьями. Кроме сельца и деревни на Сойкиных горах братьям принадлежали еще три деревни. Записаны они как «Бородкино», «Другое Бородкино» и «Третье Бородкино у моря же» и имели 3, 6 и 2 крестьянских двора соответственно. Всего же на принадлежавших братьям землях, включая их самих с семьями, жили 46 человек, а доходу было «4 рубля, полсема (то есть 6½) гривны и пять денег, 14 бочек пива, 19 баранов, 11 полоть мяса, 2 пятак льну, 80 локоть полотна»²⁶. Еще один сын Муравья, старший Григорий по прозвищу Мордвин, записан как помещик Сабельского погоста (50 верст от Новгорода) и совладелец 12 деревенок с 81 жителем²⁷. Не очень-то это похоже на огромные владения...

Выше я уже писал, что в социальном отношении состав переселенцев был весьма пестрым. К какому сословию принадлежал основоположник исследуемого рода? Каноническая версия родословия Муравьевых уверенно определяет Муравья как сына «рязанского сына боярского». Что касается самого Василия Олуповского, то одни исследователи указывают только, что род Олуповских (Алаповских) давно угас (П. В. Долгоруков, Д. А. Кропотов, С. Н.

²¹ ОР ГИМ. Увар. № 604. Разрядные книги – государев разряд 2-й редакции 1585 г. (по классификации Буганова В. И.) с записями за 1448–1585 гг. и выписи из писцовых книг Водской пятины письма Дмитрия Китаева об испомещении послужильцев («поганая книга»).

²² См. также: Дела Тайного Приказа. Кн. 2. Стб. 30–31.

²³ Выписка из писцовых книг Дмитрия Китаева о волостях и деревнях по Новгородскому уезду за 1500 г. (рукопись XVI в., 11 л. Л. 11) // Дела Тайного Приказа. Кн. 2 / Изд. Имп. Археогр. комиссии. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1908. (Русская историческая библиотека. Т. 22).

²⁴ «Готов собою жертвовать...»: Записки графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 8.

²⁵ Федосова Э. П. Указ. соч. С. 15.

²⁶ Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина. Стб. 522–524.

²⁷ Там же. Стб. 117.

Муравьев). Другие же возводят род Олуповских к прибывшему в XII веке «из земли немецкой мужу честну Радше» – общему предку многих старинных родов: Бутурлиных, Пушкиных, Неклюдовых, Мятлевых. Тому самому Радше, внук или правнук которого Рача «Святому Невскому служил». Этого мнения придерживались, в частности, такие авторитетные исследователи, как А. Б. Лакиер и М. Т. Яблочков. М. В. Муравьев в составленной им родословной приводит эту гипотезу, но не настаивает на ней. Причина – отсутствие документального ее подтверждения. Единственное основание – герб Муравьевых, на котором, как и на гербах вышеупомянутых родов, изображен прусский орел (Пруссия – предполагаемая родина общего предка Радши).

Известно, однако, что большинство русских дворянских родов (в том числе и Муравьевы) обзавелись гербами только при Елизавете Петровне. Она их и утверждала, не особенно придираясь к документальным подтверждениям их обоснованности, особенно в отношении тех фамилий, которые поддержали ее во время переворота, приведшего «Петрову дочь» на трон. Тем не менее среди самих Муравьевых родство с Радшей, похоже, не подвергалось сомнению, по крайней мере открыто. Сохранилось рукописное изображение фамильного герба – герба Радшичей с прусским орлом, выполненное в 1789 году и заверенное подписями 8 членов рода. Эти подписи можно толковать как подтверждение приверженности по крайней мере двух ветвей Муравьевых версии происхождения от знатного иностранца. Спустя еще 100 лет Михаил Валерьянович Муравьев как добросовестный исследователь не настаивал на этой версии, но как член рода, видимо, принимал ее всерьез, о чем свидетельствует то, что он приводит, хотя и с оговорками о сомнительной его достоверности, родословие Василия Олуповского от XII века²⁸. Еще показательнее оговорка М. В. Муравьева в самом конце примечаний, где он называет свой род Муравьевыми-Радшичами²⁹.

Относительно «рода-племени» Ивана Муравья имеются, однако, и другие данные, не исключающие происхождения Василия Олуповского от Радши, но лишаящие этот вопрос всякого смысла в контексте исследования корней рода Муравьевых. Эти данные сводятся к тому, что Иван Муравей не был сыном Василия Олуповского. В основе этой гипотезы лежит уже упоминавшийся выше текст, восходящий к несохранившейся переписной писцовой книге Дмитрия Китаева по Вотской пятине восьмидесятых годов XV века. Мы цитировали начало этого текста по разрядной книге из собрания Уварова. Н. М. Карамзин обнаружил его в разрядной книге Бекетова и опубликовал в комментариях к VI тому своей «Истории». Вот этот текст в редакции списка из материалов Тайного Приказа, опубликованных Археографической комиссией: «Лета 6991-го апреля в 8 день, как бог поручил великому князю Ивану Даниловичу (так в тексте. – П. Ф.) Московскому под его богохранимую державу Великий Новгород и по его государеву изволению распущены из княжеских и боярских дворов служилые люди. И тут им роспись, кто чей быша послужилец, в Воцкие пятины которые помести по государеву указу государев писец Дмитрий Китаев». Следует список семей бывших послужильцев (то есть слуг) десяти княжеских и боярских дворов. Дворы пронумерованы от 1 до 10. Под номером 9 читаем: «Муравьевы – Ослопольские послужильцы, одна семья двора его в те поры помещена». Заканчивается текст так: «Которые боярские и княжеские послужильцы в сей тетради написаны, все в те поры испомещены были в Воцкой пятине»³⁰. Этот текст много раз переписывался в частные разрядные книги и отдельные тетрадки, неофициально именовался «Поганой книгой» и хранился во многих дворянских семьях.

Мог ли Иван Муравей быть не сыном, а «послужильцем», то есть бывшим слугой Олуповского? Да, мог. Москве нужно было найти множество мужчин боеспособного возраста, пригод-

²⁸ *Муравьев М. В.* Муравьевы. 1488–1893. Ревель: Тип. «Ревельских известий», 1893. С. 5.

²⁹ Там же. С. 29.

³⁰ Выписка из писцовых книг Дмитрия Китаева. Л. 11 рукописи. Стб. 30–31.

ных к военному делу и готовых навсегда отправиться за тридевять земель в незнакомый край, граничащий с воинственными соседями и населенный крестьянами, чья лояльность к Москве была по меньшей мере сомнительна. Кого могла привлекать такая перспектива? Конечно, тех, кому нечего было терять на старом месте и кто приобретал шанс одновременно превратиться из слуги того или иного конкретного лица в слугу великого князя Московского, из безземельного «послужильца» – в землевладельца. Поэтому челядь распускаемых боярских дворов, особенно те, кто имел боевой опыт, были наилучшим человеческим материалом для грандиозного проекта полного обновления служилого сословия Новгородского края. Вот как писал об этом В. О. Ключевский: «У прежних удельных бояр и дворян были свои вооруженные дворовые слуги, холопы, с которыми господа ходили в походы. Московское правительство иногда отбирало этих привычных к оружию боярских слуг, послужильцев (бывших служителей), на государственную службу, наделяя их землей и заставляя по земле нести ратную повинность наряду с прочими служилыми людьми. Так, после покорения Новгорода Великого в Москве с княжеских и боярских дворов забрано 47 семейств таких слуг, которые были помещены в Вотской пятине и впоследствии являются в составе местного дворянства»³¹.

Есть и некоторые косвенные признаки, подтверждающие версию «Поганой книги». Во-первых, то, что в писцовой книге 1500 года Дмитрий Китаев, перечисляя Муравьевых, всех их пишет в уменьшительной форме и без отчества, как писали тогда простолюдинов. Между тем соседи Муравьевых поименованы полным именем с отчествами: Игнатий Васильев сын Пушкин, Григорий Васильев сын Картамазов и т. п.³². Во-вторых, то, как быстро Муравьевы перестали именовать себя Олуповскими. Уже через несколько лет после прибытия в Новгород, как видно из кабальных записей на приобретаемых ими холопов, сыновья Ивана Муравья пишут себя исключительно Муравьевыми.

Но как же в таком случае быть с Есипом Пущей, согласно канонической версии братом Ивана Муравья, вместе с ним перебравшимся в Новгородский край и ставшим основателем рода Пущинных? В цитированном выше списке «Поганой книги» Пущины не упоминаются, напротив, четко указывается, что тогда была «испомещена» только одна семья двора Олуповского – Муравьевы. Пуща Олуповский и его дети появляются только в переписной книге 1500 года. В Каргальском погосте государевы писцы отмечают сельца, числившиеся за «Пущою за Олуповским да за его детьми за Булгаком да за Андрейком»³³. А в Сабельском погосте Василий Пуцин (очевидно, сын Есипа) упоминается как совладелец нескольких деревень в паре с Григорием (Мордвином) Муравьевым.

Думается, что ход событий может быть реконструирован следующим образом. В 1483 или 1484 году на новгородские земли прибывает отпущенный по указу великого князя бывший слуга Василия Олуповского Иван Муравей с семьей. Позже, видимо в 1490-е годы, за ним следует Есип Пуща. К 1500 году Иван умирает, а Есип Пуща живет со своими взрослыми сыновьями неподалеку от сыновей Ивана Муравья в Каргальском погосте на берегу Финского залива. В любом случае Есип Пуща и Иван Муравей, даже если они не были родными братьями, были очень близкими людьми. Может быть, побратимами или сводными братьями (Муравей незаконный сын Василия Олуповского?). Впрочем, это даже не гипотеза, а всего лишь догадка, одна из множества возможных.

Завершая эту тему, не могу не упомянуть об одной весьма колоритной истории, тоже опирающейся на древние источники. В 1648 году новгородский дворянин Кошкаров (или Кошкарев) подал новгородскому наместнику князю Урусову жалобу на оскорбление, нанесенное

³¹ Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. / [подг. к печати и коммент. В. А. Александрова и А. А. Зимина]. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. С. 202.

³² Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина. Стб. 122.

³³ Там же. Стб. 520.

ему дворянином Сергеем Муравьевым. Оскорбление состояло в том, что Муравьев публично заявил, будто бы Кошкаров происходит от холопов. Кошкаров утверждал, что холопов среди его предков не бывало. Муравьев же ссылался на то, что в распоряжении новгородского наместника есть древние книги, в которых это записано³⁴.

Видимо, ссоры между новгородскими дворянами по поводу «благородства» происхождения происходили нередко. И вот то ли для своего личного пользования, то ли в назидание спорщикам наместник приказал своим подьячим подготовить обзор переписных книг Дмитрия Китаева с указанием выходцев из боярской челяди, ставших по воле Ивана III новгородскими помещиками, и, соответственно, с ответом на вопрос о «благородстве» предков Кошкаровых и Муравьевых.

В отделе рукописей РГБ хранится написанный древнерусской скорописью документ на десяти листах, сшитых в тетрадь ин-кварти. Заглавие на первой странице почти полностью стерлось. В каталоге же этот документ обозначен как «Выпись из писцовой книги 1483 г. писца Дмитрия Китаева. “Поганая книга”»³⁵. Похоже, что это и есть тот обзор, который был подготовлен в 1648 году по указанию новгородского наместника. Об этом говорит его содержание. В начале составитель воспроизводит преамбулу китаевского перечня послужильцев, «испомещенных» в 6991 году в Вотской пятине, не повторяя при этом ошибок более ранних переписчиков. Это позволяет предположить, что он пользовался оригиналом – не дошедшей до нас писцовой книгой Дмитрия Китаева первой половины 80-х годов XV века. Затем составитель обращается к основному вопросу: происхождению Кошкаровых (Кошкаревых) и Муравьевых. Кошкаровых он помещает в перечень бывших «людей» Ивана Борисовича Тучкова³⁶. Примечательно, что в списках этого документа в Уваровской и Нефимоновской³⁷ разрядных книгах Кошкаровых нет. На следующей же странице читаем: «Пущины, Муравьевы да зять их Лучка Норов то не Лоповского Некрасова Зиновья Оброзцовские люди Толокдновского»³⁸, то есть «Пущины, Муравьевы и их зять Лучка Норов “люди” не Зиновия Некрасовича Лоповского, а Образца Толокдновского». Этот текст полностью выпадает из логики и структуры документа 1483 года и явно представляет собой вставку составителя. Он отрицает какую-либо связь Муравьевых и Пущинных с Василием Олуповским. Но откуда неведомый составитель взял каких-то Зиновия Лоповского и Образца Толокдновского? Может, это шутка? Скоморошина? Насмешка над Сергеем Муравьевым, затеявшим свару по поводу чистоты дворянских корней? Возможно, тем более что пятью страницами ниже составитель приводит выдержки из раздела по Каргальскому погосту переписной книги Китаева 1500 года. У Китаева в этом месте и Пуща, и Муравей указаны просто как «Олуповские». И составитель «выписи» 1648 года, вопреки тому, что им же написано выше, воспроизводит отнесение их к выходцам из двора «Олуповского», хотя упорно именует всех их «людьми», то есть слугами последнего³⁹.

Что же было на самом деле? Кем был Иван Муравей? Сыном знатного рязанца, потомка Радши, или его слугой? Свободным слугой или холопом? В равной степени возможно и то, что лукавят движимые честолюбием авторы герба и дворянских грамот XVIII века, и то, что «Поганая книга» – позднейшая подделка, злая шутка какого-то ненавистника. Вероятно, этого мы никогда не узнаем и в очередной раз не выполним завет Леопольда фон Ранке: понять «wie es eigentlich gewesen». Читатель может спросить, а какая, собственно, разница, кем был Иван

³⁴ *Базилевич К. В.* Новгородские помещики из поселенцев в конце XV в. // Исторические записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. № 14. С. 62–80.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 330. Карт. 3. Ед. хр. 33.

³⁶ Там же. Л. 1 об.

³⁷ Разрядная книга 1478–1631 гг. Список Нефимонова (ОР ГИМ. Ф. 218. № 1451).

³⁸ ОР РГБ. Ф. 330. Карт. 3. Ед. хр. 33. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 7.

Муравей до получения им из рук Ивана III статуса новгородского помещика? К этому вопросу мы еще вернемся.

Пока же для описания дальнейшей судьбы рода важно не выяснение доподлинного происхождения, а тот факт, что кем бы ни были переселенцы по крови, на новом месте они получали равный статус – новгородского помещика.

В конце XV–XVI веков слово «помещик» означало совсем не то, что в веке XVIII или XIX. Помещики той эпохи были не собственниками земли своего поместья и проживающих на ней крестьян, а служилыми людьми, которым был дан в пожизненное, но не наследственное владение участок земли, *de jure* принадлежащей великому князю под условием ратной и/или административной службы государству. «Наиболее угрожаемые западные, южные и восточные границы были обсажены более или менее густыми рядами помещиков, которыми, как живой изгородью, с трех сторон был защищен государственный центр», – писал В. О. Ключевский⁴⁰. Принимая на себя службу по защите государства, помещики, в свою очередь, получали от государства на время службы населенные земельные участки, причем проживающим на этих участках крестьянам вменялось в обязанность платить помещикам отработками, продуктами своего труда или деньгами за право пользования помещичьей землей. При условии добросовестной и успешной службы помещиков государь жаловал их вотчинами, то есть земельными участками в наследственную собственность, и они становились вотчинниками, то есть полностью уравнивались с потомками удельных князей и их бояр, составляя вместе с ними новое господствующее сословие – дворянство.

Судьба Муравьевых в первые десятилетия после прибытия на Новгородчину хорошо иллюстрирует этот процесс. Начинали они, как мы видели, очень скромно. Из первых десятилетий нового века мы не имеем известий о существенных изменениях в положении Муравьевых, если не считать заметного роста числа потомков Ивана Муравья. К середине XVI столетия основными действующими лицами являются уже его внуки. Их 13, значит, всего детей, с учетом женщин, у второго поколения Муравьевых должно было быть человек 25. К этому времени Муравьевы уже вполне признаны равными среди равных в сообществе новгородских помещиков и роднятся не только с такими же, как они, персонажами из «Поганой книги», но и с княжескими фамилиями. Об этом мы также узнаем из кабальной грамоты, заверяющей передачу Муравьевыми девки в приданое своей сестре, выходящей замуж за князя Кудияра Мещерского⁴¹.

К тому же периоду относятся первые дошедшие до нас упоминания о пожаловании Муравьевым вотчин. То было время завоевательных (современные историки деликатно называют их «наступательными») войн Ивана IV на восточных рубежах Московского государства. Возможно, кто-то из Муравьевых принял в них участие. Во всяком случае, в 1551 году Никифор и Никита Елизаровичи были пожалованы вотчинами. Можно предположить, что именно при этих пожалованиях Муравьевы получили земли, на которых впоследствии находилось родовое поместье героя моего повествования Сырец. Основанием для такого предположения служит то, что в конце жизни Михаил Николаевич сам не раз говорил, что его род владеет Сырцом уже 300 лет. Поскольку следующие пожалования Муравьевым делались уже в XVII веке, логично отнести приобретение Сырца именно к 1551 году.

Примерно в то же время появляются упоминания о назначении то одного, то другого Муравьева «начальными» людьми на новгородской городской службе, правда, не бог весть какого ранга. Больше других Муравьевых к середине XVI века преуспел по службе Степан – сын Григория (Мордвина). В 1550 году он был отобран в тысячу лучших помещиков Москов-

⁴⁰ Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 6. Специальные курсы. С. 395–396.

⁴¹ Записная книга крепостным актам XV–XVII веков, явленным в Новгороде дьяку Алябьеву / Изд. Археогр. комиссии // Русская историческая библиотека. СПб.: Синод. тип., 1898. Т. 17 (сборный). Стб. 103. № 289. Л. 113 об. рукописи.

ского царства и получил поместье в Московском уезде, став, таким образом, дворянином московским – чин на две ступени выше помещиков городских. Сам по себе факт отбора Муравьева в «государеву тысячу лучших слуг» говорит о том, что в служебном отношении смутное происхождение их предков не рассматривалось как негативный фактор. Но вот то, что отобран был только один из Муравьевых, некоторые исследователи⁴² рассматривают как доказательство весьма скромного места рода Муравьевых среди других дворянских родов. Вряд ли это верно. Род был молодым и еще относительно малочисленным. Он и не мог поставить в отборную тысячу такое же количество «лучших из лучших», как более древние роды, насчитывавшие уже тогда многие десятки сородичей.

Следующему поколению – правнукам Ивана Муравья выпало жить, наверное, в самый тяжелый период истории Новгородской земли. В 1558 году Иван IV начал борьбу за расширение русских владений на Балтийском море. Ливонская война продолжалась двадцать пять лет. Вначале русские выжигали и опустошали владения Ливонского ордена. Позже, со вступлением в войну Литвы и Швеции, театром боев стали русские земли и, в частности Вотская пятина, где были «испомещены» Муравьевы.

В 1582 году, накануне заключения перемирия, составлялась очередная опись населения и хозяйства этих земель. Она рисует картину страшного опустошения. Как мы помним, в 1500 году Муравьевы состояли помещиками в двух погостах Вотской пятины – Сабельском на Луге и Каргальском на берегу Финского залива. В Сабельском погосте, где до войны хозяйствовали 32 помещика и более двухсот крестьян, переписчики находят всего три населенных крестьянских двора да «181 место дворовое крестьянское» (то есть остовы сгоревших либо разрушенных дворов)⁴³. «А дворы сожгли и крестьян 16 человек (в одной деревне. – П. Ф.) побили литовские люди в нынешнем 7090 [то есть 1582] году». Пашни писцы обнаруживают «732 четьи с осьминою... да лесом поросло 1322 четьи с осьминою» (то есть распахана только треть от довоенного уровня)⁴⁴. Такая же картина в соседних полужских погостах – Коситском, Никольском, Передольском. Отдельно писцы отмечают «места дворов помещичьих», которые «запустили до войны». Уж не следы ли это еще одной напасти – карательного похода Ивановых опричников в 1570 году? В Копорском уезде, в состав которого входил Каргальский погост, разрушений и запустений меньше, но повсеместно вместо прежних русских владельцев хозяйничали «немцы» (то есть иностранцы). В Копорском уезде было 15 погостов, в Кареле – 7, и 3 относились к Ям-городу. «И из того числа к Кореле и к Ям-городу и к Копорью владеют немцы 25 погосты», записывают писцы⁴⁵. То есть все 100 процентов.

Значит, Муравьевых там уже нет. Каток войны прошел по ним всей своей тяжестью: поместья большинства из них были разорены либо перешли иноземным владельцам.

С окончанием Ливонской войны беды Новгородской земли не закончились. После короткого перерыва последовала Русско-шведская война 1590–1595 годов, а потом, еще через несколько лет, смута, в ходе которой новгородцы бесславно воевали против шведов, а потом так же бесславно – вместе со шведами против поляков. При этом те прибалтийские территории, где когда-то находились владения Муравьевых, дважды переходили из рук в руки и наконец остались за шведами.

В смутное время многие Муравьевы оставили свой след в новгородской истории. Внук старшего сына Ивана Муравья Григория – Иван Никитич Муравьев был сожжен шведами при взятии ими Новгорода 16 июля 1611 года. Для всех, кто интересуется родом Муравьевых, это факт почти хрестоматийный. Менее известно, как произошла эта трагедия. Вот как, вероятно,

⁴² Чулков Н. П. Генеалогия декабристов Муравьевых // Русский евгенический журнал. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. V. Вып. 1. С. 3.

⁴³ Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 6. М., 1850. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 8–9.

⁴⁵ Там же. С. 55.

было дело. Во время вероломного и внезапного штурма Новгорода отрядом Делгарди в ночь с 15 на 16 июля защитников города охватила паника. Лишь немногие оказали шведам сопротивление. В числе этих храбрецов или безумцев были протоиерей Софийского собора Аммос и его товарищи, засевшие в доме священника на Торговой стороне. Чтобы не нести напрасных потерь, шведы подожгли дом. Все смельчаки погибли в огне. Одним из них, видимо, был Иван Никитич Муравьев. Во всяком случае, никаких других сожжений шведами новгородцев в день штурма не зафиксировано.

Этот подвиг духа в практическом отношении был в некотором смысле результатом недоумения. К этому выводу приводит анализ политического контекста гибели Аммоса и его товарищей. После нескольких лет кровавой смуты и самозванства, избрания на царство Василия Шуйского и насильственного сведения его с престола в московской властной верхушке утвердилась мысль о необходимости призвания на русский трон чужеземной династии по образцу призвания варягов. Главным претендентом на роль нового Рюрика казался наследник польского престола Владислав. Москва и многие другие русские города уже успели принести ему присягу. В Новгород из Москвы прибыл один из главных деятелей польской партии в боярской думе Иван Салтыков Большой с целью склонить новгородцев последовать примеру Москвы. Но новгородская старшина была привержена иному проекту – возведению на русский престол одного из сыновей шведского короля. Салтыков был посажен на кол, а новгородские сановники вместе с приехавшими из Москвы противниками польской партии вступили в переговоры со шведами об условиях перехода Новгорода под протекторат Швеции. Договор был, в принципе, готов. Захват города, по мысли шведского главнокомандующего, должен был показать, кто из двух договаривающихся сторон был действительным хозяином положения. На следующий день после штурма и героической гибели протопопа Аммоса и его сподвижников договор о вечном мире между обеими сторонами и признании новгородцами своим сюзереном короля Швеции был заключен. Новгородцы, в том числе новгородское дворянство и среди них Муравьевы, оказались фактически в условиях иностранной оккупации при сохранении формально союзнических отношений со шведами.

Этим объясняется тот непонятный иначе факт, что родной брат сожженного Ивана Никитича – Дмитрий по прозвищу Шаврук и его сын Матвей достаточно благополучно пережили шведское лихолетье и даже выполняли административные функции в местной администрации. Последний, кстати, прибыл в Новгород из Москвы в качестве передового гонца и разведчика Ивана Салтыкова (об этом упоминается в сохранившемся донесении Салтыкова польскому королю Сигизмунду), но, как видим, сумел избежать печальной участи своего патрона. В 1614 году он ездил в Москву выборным от новгородцев, чтобы дать там объяснения по поводу присяги, принесенной жителями города на Волхове шведам. В 1619 году был воеводой в Порхове и погиб, похоже, на этом самом посту.

Сотрудничали со шведами и другие члены рода Муравьевых. Например, Григорий Никитич, внук второго сына Муравья – Елизара. В момент подписания новгородской верхушкой договора со шведами Григорий Никитич был ладожским воеводой. После занятия Ладоги шведским гарнизоном был назначен воеводой в Тёсовский острожек. Занимался снабжением шведских войск продовольствием и фуражом. Одновременно он всеми способами, доступными в условиях фактической шведской оккупации, помогал своим соотечественникам, по тем или иным причинам оказавшимся в немилости у шведов. В частности, он вместе с другими уважаемыми новгородцами подписывал поручительства за новгородских дворян, обывателей и их жен, которых шведы подозревали в намерении вопреки запретам перебраться во владения московских царей и/или вести пропаганду в пользу такого переселения. При наличии такого поручительства подозреваемые не подвергались превентивной репрессии (арест, конфискация имущества, высылка в Швецию). Зато поручители отвечали за их поведение своим имуществом и головой. Если взятые на поруки «учнут с ким какие в мире смутные речи говорить...

или без государева указу куды отъедут или изменят: и на нас на порутчиках пеня пресветлейшего и высокорожденного государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича, и наши порутчиковы головы в их голову место...» – говорится в этом своеобразном документе той смутной эпохи⁴⁶. Тот факт, что подпись Г. Н. Муравьева под поручительствами стоит на одном из первых мест, рядом с подписями князей Путятиных и Шаховских, свидетельствует о серьезном авторитете рода Муравьевых и дает основание усомниться в утверждении уже упоминавшегося Н. П. Чулкова и многих его предшественников и последователей, что до XVIII века Муравьевы «не дали ни одного чем-либо замечательного представителя»⁴⁷. Сама же готовность подписантов поручиться «за други своя» имуществом и головой доказывает, что и в смутное время их не покидало великодушие. Особенно ярко проявить это достойное качество Григорию Никитичу довелось в 1617 году. По подписанному тогда мирному договору шведы сохраняли за собой значительную часть новгородских земель, но сам Новгород должны были вернуть России. Покидая город, шведские оккупационные власти задумали депортировать семьи новгородских дворян, вопреки запрету бежавших в Москву до подписания мира. Спасти женщин и детей от угона на чужбину мог только выкуп. И этот выкуп был внесен несколькими новгородцами из собственных средств. Г. Н. Муравьев стал тогда организатором сбора средств и одним из главных спонсоров, внося из личных денег значительную по тем временам сумму в 100 рублей⁴⁸.

А что же потомки сына Ивана Муравья Михаила, те, которые станут прямыми предками нашего главного героя? До начала XVII столетия о них практически ничего не слышно. В 1602 году внук Михаила Федор Максимович упомянут в «ябеде» на царское имя в связи с тем, что вместе с некоторыми другими помещиками ослушался царского указа о предоставлении лошадей для строительства мостов в Новгородском уезде. Таким образом, мы узнаём, что в 1602 году потомки Михаила, «испомещенного» изначально на берегу Финского залива, жили теперь в Полужье, может быть, и в Сырце, который впервые упоминается в писцовой книге 1582 года. В 1612 году Федор Максимович был назначен воеводой в крохотный Тёсовский острожек. Назначен, возможно, не без протекции своего троюродного брата Г. Н. Муравьева, которого он и сменил на этом малозаметном, но все же начальственном посту. Пятью годами позже Федор Максимович и его сын Феоктист были пожалованы вотчинами за новгородское осадное сидение – отражение попытки шведов вернуть себе только что оставленную ими по Столбовскому мирному договору древнюю столицу края. В писцовой книге 1626–1627 годов оба упомянуты в числе землевладельцев Вотской пятины⁴⁹.

До появления на свет нашего главного героя оставалось всего четыре поколения. Столько же, сколько от него до автора этих строк...

Полвека войн и смут обескровили всю Новгородскую землю, все слои ее населения. Не составили исключения и Муравьевы. В третьем поколении рода было, как мы видели, 13 мужчин. В четвертом, которому в основном и выпало жить в это время, – 33 (рост в 2,5 раза). Но из этих 33 двадцать пять (то есть три четверти) умерли бездетными, значит, скорее всего, в молодости и не своей смертью. Так что в пятом поколении Муравьевых-мужчин было всего 18.

Сведения о Муравьевых, дошедшие до нас из середины и второй половины XVII века, чрезвычайно скудны. Трое из них были жалованы вотчинами за участие в боевых действиях. В

⁴⁶ Поручные записи по Новгородским помещикам и помещицам о неотъезде их из своих поместий за Новгородский рубеж. 1613 нояб. 20; 1614 янв. 17 // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии, 1846. Т. 2. С. 18. Поручные записи по Новгородским помещикам и помещицам о неотъезде их из своих поместий за Новгородский рубеж. 1613 нояб. 20; 1614 янв. 17.

⁴⁷ Чулков Н. П. Указ. соч. С. 3.

⁴⁸ Селин А. А. Григорий Никитич Муравьев. Кто создавал условия непрерывной жизни // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: сб. статей. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 125–136.

⁴⁹ Иванов П. И. Обзорение писцовых книг по Новгороду и Пскову. М.: В тип. Правительствующего Сената, 1841. С. 52–53.

1664 году Яков Матвеевич, потомок Дмитрия Шаврука, был волостелем в Сомерской волости и, видимо, не на самом хорошем счету. Потомкам он стал известен главным образом тем, что, несмотря на многократные указания, не слал к театру военных действий расквартированных в его волости драгунов. Об этом было донесено царю. Из Кремля распорядились разобраться с причинами нерасторопности Муравьева, для чего послать в Сомерскую волость «нарочного... доброго, а не корыстовника»...⁵⁰. Видимо, то ли по общему правилу, то ли зная Якова Муравьева, в Москве предполагали, что в этой пограничной волости обязательно попытаются от выполнения приказа как-то отбояриться, скорее всего – дав взятку нарочному.

Скудность сведений об этом периоде истории рода связана, кажется, с двумя обстоятельствами: отсутствием у этого поколения Муравьевых особо выдающихся заслуг и физическим оскудением родового человеческого капитала: всего 12 мужчин числятся в родовых переписях этого периода, меньше, чем полутора веками раньше. В общем, род хирел...

Но на пороге уже стояла новая эпоха – эпоха Петровских преобразований, обновления элит и невиданных доселе массовых социальных лифтов для провинциального дворянства.

О Муравьевых, живших в первые десятилетия этой эпохи, нам известны только основные факты. Их все еще немного: в родословной росписи значится всего 13 мужских имен. И наиболее активные из них, сохраняя вотчинные владения на Новгородчине, выбирают службу поближе к новой столице. Среди них Ерофей Федорович – прадед нашего героя. Он был владельцем села Мроткино Лужского уезда, дослужился до подполковника и погиб в турецкую войну 1739 года. До штаб-офицерских званий дослужился и его троюродный брат Артамон Захарьевич (не путать с правнуком и полным тезкой-декабристом). К тому же он выгодно женился на дочери командира строящейся Кронштадтской крепости. У родного брата Артамона – Воина Захарьевича успехи по службе были скромнее: он уволился из армии поручиком. Зато он внес самый весомый вклад в пополнение рода: вырастил девять сыновей и дочь. От этих троих – Ерофея Федоровича, Артамона и Воина Захарьевичей пойдут самые мощные побеги родового древа Муравьевых.

Во второй половине XVIII века Муравьевы выйдут из исторической тени. Николай Ерофеич (это дед нашего героя, о нем будет подробно рассказано ниже) войдет в круг доверенных лиц Екатерины Великой. Его четвероюродный брат Никита Артамонович станет сенатором, а четвероюродный племянник Михаил Никитич будет приглашен в качестве учителя и воспитателя к будущему императору Александру Павловичу и его брату Константину; позже он займет должность товарища министра просвещения и попечителя Московского университета. Двоюродный брат Михаила Никитича Иван Матвеевич станет первым Муравьевым-Апостолом: его отец и мать, дочь украинского гетмана Данилы Апостола, не имевшего ни сыновей, ни родных братьев, испросят высочайшего разрешения для своего потомства именоваться Муравьевыми-Апостолами, дабы не дать исчезнуть славной гетманской фамилии. Иван Матвеевич будет сенатором и приобретет известность на дипломатической службе. Еще один четвероюродный племянник Николая Ерофеича – Назарий Степанович станет архангельским губернатором, первым в ряду губернаторов Муравьевых.

В течение XIX – начала XX столетия, одновременно или сменяя друг друга, на сцене русской истории будут действовать полтора десятка Муравьевых. Среди них будут заговорщики, министры, полководцы, губернаторы, дипломаты, писатели. В 1894 и 1898 годах в двух концах Российской империи двум представителям рода Муравьевых будут установлены памятники: Н. Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске и М. Н. Муравьеву (главному действующему лицу моего повествования) в Вильне...

⁵⁰ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. III. Разрядный Приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. С. 562, 565, 568.

Здесь я закладываю обзор истории рода в целом. Многих его представителей мы встретим в последующих разделах этой книги, но лишь в той мере, в которой они будут соприкасаться с нашим главным героем и семьей, в которой он родился и вырос.

II. Деды и бабки

В жизни каждого человека деда и бабушки являются как бы связующим звеном между историей целого рода и историей частицы этого рода – семьи, давшей человеку жизнь и сделавшей его человеком. Но семья – это не только частица рода, но и перекрещение родов. Каждому положены два деда и две бабки. Бывает, конечно, что кто-то из дедов и бабок принадлежит к одному и тому же роду. Но по общему правилу в каждом из нас перекрещиваются четыре рода. Конечно, мы не сможем сколько-нибудь подробно остановиться на каждом из них и будем говорить в основном о Муравьевых. Но хотя бы упомянуть мы постараемся о каждом: дедушках Николае Ерофеиче Муравьеве и Михаиле Ивановиче Мордвинове, бабушках Анне Андреевне Волковой и Екатерине Александровне Саблуковой.

Кроме этих четырех у Михаила Николаевича был еще один дедушка – отчим его отца князь А. В. Урусов. Мы скажем несколько слов и о нем. Но начнем все-таки с деда Николая Ерофеича Муравьева, тем более что человек это был замечательный и, как мне кажется, во многом послуживший примером для нашего главного героя, хотя умер этот дед задолго до рождения внука Михаила.

Николай Ерофеич Муравьев родился в 1724 году. Мы не знаем, где это произошло. Скорее всего, в новгородской вотчине или по месту службы отца – офицера петровской армии. Ничего не известно и о его детстве. Следующее после времени рождения достоверное известие о Николае Ерофеиче датировано 8 марта 1738 года. В этот день он был зачислен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Для зачисления требовалось умение читать и писать. Следовательно, начальное образование у него уже было. Из мемуаров троюродного брата Николая – Матвея Артамоновича Муравьева мы знаем, что такое образование Муравьевы-мальчики получали, как правило, дома⁵¹.

Сухопутный шляхетский кадетский корпус был создан в 1731 году. Чтобы воинское дело «наивяще в искусстве производилось... весьма нужно, дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обученное, потому и в практику годно было», говорилось в указе Анны Иоанновны о создании этого первого в России высшего военного учебного заведения⁵². В кадеты принимались дворяне от 13 до 18 лет. За исключением этого сословного ограничения, состав слушателей был весьма демократичен. За одними партами сидели и сыновья высших государственных сановников, рюриковичей, владельцев тысяч душ, и подростки из семей небогатых провинциальных дворян. Это видно из напечатанного в 1761 году «Именного списка всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-офицерам и кадетам <...>». В нем фамилии Барятинских, Бестужевых-Рюминых, Бутурлиных, Волконских, Львовых, Репниных, Румянцевых, Толстых и рядом с ними Муравьевых и их новгородских соседей – Кошкаровых (вероятно, потомков тех самых, с которыми судился Сергей Муравьев), Мордвиновых (о них речь впереди) и др.⁵³ В учебную программу входили русский, немецкий и французский языки (латынь по желанию), риторика, математика, история, география, юриспруденция, мораль, геральдика, рисование, чистописание, артиллерия, фортификация, строевая подготовка, фехтование, верховая езда и танцы. То есть программа была не только военной, и кадры готовились не только для военной, но и для гражданской государственной службы.

⁵¹ Записки М[атвея] А[ртамоновича] Муравьева / публ., вступ. ст. Т. Г. Дмитриевой [и др.] // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. [Т.] 5. С. 8.

⁵² Висковатов А. В. Краткая история Первого кадетского корпуса 1731–1831. СПб., 1832.

⁵³ Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе штаб-овер-офицерам и кадетам <...> СПб.: При Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе, 1761. Ч. I.

Из мемуаров Матвея Артамоновича Муравьева, который в 1738 году был уже инженер-поручиком и имел знакомых в администрации кадетского корпуса, нам известно, что именно он, Матвей Артамонович, определил троюродного брата Николая в это лучшее в то время учебное заведение страны⁵⁴. Некоторые современные авторы утверждают, что Николай Ерофеич начал свою блестящую карьеру «не благодаря семейным связям, а только лишь собственными силами, талантами и энергией», и ставят ему это в особую заслугу⁵⁵. Как видим, это не соответствует историческим фактам, однако никак не может быть поставлено ему в упрек. В ту эпоху родственная протекция была общепризнанной формой социального лифта. Даже двумя поколениями позже вольнодумцы хотя и осуждали рвание «родному человечку», но говорили о нем как о явлении общепринятом. Да и в наш просвещенный XXI век родственную протекцию вряд ли можно считать изжитой.

Срок обучения в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе обычно колебался от 4 до 8 лет. В зависимости от результатов учебы выпускники получали звания от унтер-офицера до подпоручика. В редчайших случаях – поручика. Николай Муравьев – единственный за первые годы работы корпуса был выпущен инженер-поручиком, то есть с присвоением третьего офицерского чина и признанием профессиональной квалификации как по общему курсу, так и по инженерным специальностям. Но учиться ему для этого пришлось 12 лет. Видимо, после первых 8 лет ему предложили пройти еще углубленный курс инженерных дисциплин – фортификации, математики, топографии и др. Препятствием могла стать материальная необеспеченность: отец погиб еще в 1739 году, а пенсия и доходы с имения были невелики. На выручку опять пришел брат Матвей. Он был дружен с майором Ильей Мозовским, который в 1745 году стал одним из руководящих сотрудников администрации Шляхетного корпуса. Тот поддержал ходатайство о производстве кадета Муравьева в сержантское звание, что давало право на какое-то денежное пособие. Видимо, в эту же пору Николай начал давать частные уроки математики. Такие уроки брал у него, в частности, сын барона Сергея Строганова Александр. Из писем, которые Александр несколько позже писал отцу из-за границы, видно, что Николай Ерофеич был вхож в эту богатейшую семью.

После выпуска в 1750 году Николай Муравьев был оставлен в корпусе в качестве преподавателя фортификации. Это уже было успехом. Видимо, тогда же он начал работать над учебником по алгебре. Вскоре рукопись была готова. В 1752 году книга Н. Е. Муравьева «Начальные основания математики» вышла в свет. Это был первый учебник математики русского автора и на русском языке. Николай Ерофеич был замечен, произведен в инженер-капитаны и приглашен в «генеральс-адъютанты» сначала к старому генералу Бутурлину, а потом к Петру Ивановичу Шувалову – вероятно, самому влиятельному и креативному деятелю второй половины царствования Елизаветы Петровны.

П. И. Шувалов – яркий тип «консервативного реформатора» эпохи абсолютизма. Деятельность сановников этого типа направлялась в первую очередь на сохранение той конфигурации властных отношений, которая позволяла им оказывать определяющее влияние на единственного конечного демиурга государственных решений – абсолютного монарха. Только при успехе этой деятельности они получали возможность достигать второй цели – предлагать и проводить в жизнь преобразования, необходимые для модернизации страны, не пренебрегая при этом и личными интересами. В тот галантный век, да еще в отношении монарха-женщины, важнейшим элементом конфигурации властных отношений была их эмоциональная составляющая как по части женской дружбы, так и в «делах амурных». П. И. Шувалов преуспел и в том и в другом отношении. Он был женат на ближайшей подруге Елизаветы Мавре Егоровне Шепелевой. При этом он сам, по слухам, какое-то время состоял любовником Елизаветы, а в

⁵⁴ Записки М[атвея] А[ртамоновича] Муравьева. С. 63.

⁵⁵ Туманик Е. Н. Указ. соч. С. 52.

1749 году с помощью жены сумел продвинуть на роль фаворита любвеобильной императрицы своего двоюродного брата, на ту пору двадцатидвухлетнего красавца Ивана – будущего покровителя науки и искусств. Опираясь на эту двойную поддержку, П. И. Шувалов стал одним из важнейших сановников империи и получил возможность продвигать свои модернизаторские проекты. По его инициативе в России были ликвидированы внутренние таможи и таким образом создан единый всероссийский рынок. Ему же принадлежала инициатива создания системы высшего военного образования. Еще одним масштабным проектом, идея которого была выдвинута и пролоббирована Петром Шуваловым, стало проведение в России генерального межевания, то есть установления и нанесения на карту точных границ всех земельных владений. Без этого невозможно было наладить правильное налогообложение и рынок недвижимости. Еще один грандиозный проект, предложенный Петром Шуваловым, – разработка нового законоуложения и созыв для этой цели выборных представителей от всех сословий и народов России.

Многие из шуваловских проектов не были реализованы при его жизни. (Он умер в январе 1762 года, лишь на несколько дней пережив Елизавету.) Но многие из предложенных им идей претворялись в жизнь в последующие царствования начиная с правления Екатерины II. К этой работе активно привлекались люди из команды Шувалова, в том числе и Н. Е. Муравьев.

Звание генеральс-адъютанта, в котором Муравьев начал службу у П. И. Шувалова, согласно петровскому Военскому уставу соответствовало майорскому рангу. «В таковой чин... – уточнял устав, – имеют умные, трудолюбивые и храбрые молодые люди выбраны быть»⁵⁶. Видимо, Николай Ерофеич соответствовал этим требованиям и продемонстрировал их в ходе Семилетней войны. Помимо того, он обладал уникальными на ту пору среди русских офицеров теоретическими познаниями в военных науках – фортификации и артиллерии, а также и прежде всего в математике – основе основ всех военных наук. П. И. Шувалов занимал в то время должность генерал-фельдцейхмейстера, то есть главнокомандующего артиллерией. Сотрудник с такой квалификацией был нужен ему не только как добросовестный исполнитель, но и как оформитель и «доводчик», а может быть, и как источник модернизаторских идей. Н. Е. Муравьев не обманул ожиданий своего патрона. Об этом говорит то, как быстро продвигал Шувалов своего протеже по служебной лестнице. В 1761 году Николай Ерофеич был уже инженер-генерал-майором и, что еще важнее, – лично известен супруге наследника престола как образованный, дельный и не лезущий в политику работник. Вступив на престол, Екатерина жаловала таких людей.

Весной 1764 года Муравьев уже инженер-генерал-поручик, директор канцелярии строительства государственных дорог и сенатор. 16 апреля Николай Ерофеич направляет императрице доклад, в котором излагает свои принципы организации государственного дорожного строительства⁵⁷.

Начинает он, как и надлежит опытному чиновнику, с критики того, что делалось в дорожном строительстве ранее. «С 1740 г. казны Вашего Императорского Величества употреблено более миллиона, но не видно, куда она употреблена потому, что дороги и ныне находятся в самом худшем состоянии... Сие произошло единственно от того, что прожекты, по которым вышеозначенные дороги строились, были недовольно исследованы... Не повелено ли будет большой дороге, между резиденциями Вашего Императорского Величества лежащей, сделать прожект; оную построить таким образом, чтобы она, будучи во всякое время к проезду способна, стояла бы невреждимо целые веки и с прочими великолепными зданиями, повелением Вашего Императорского Величества построенными, вещала бы поздним потомкам благопо-

⁵⁶ Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ с указанием номера собрания (1 или 2) и тома). [Собр. 1] СПб.: Тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. V. № 3006. 30 марта 1716 г. Устав воинский. Гл. XXV. С. 237.

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 344. № 440-6. Л. 4–9 об. Документы канцелярии строения государственных дорог за 1764–1780 гг.

лучие отечества нашего под премудрой державой Вашего Императорского Величества»⁵⁸. За этой вдохновляющей перспективой, свидетельствующей о понимании автором политической значимости модернизации инфраструктуры, следуют, однако, вполне приземленные выводы. «Для сочинения такого проекта потребно достаточное известие о положении мест, через которые дорога проходит, также и сведения о материалах, которые можно возле самой дороги или вблизи получить. Следовательно, и прожекта оного вскоре получить невозможно... Так что не повелеть ли Вашему Императорскому Величеству, доколе упомянутые прожект и смета Вашего Императорского Величества апробации не удостоятся, дороги содержать как оные ныне находятся, и починивать только одне мосты через реки и болота, дабы коммуникация совсем не могла прерваться...»⁵⁹.

Итак: делать хорошо, с прицелом на будущее, но делать не спеша. Основание такого подхода, думается, не во флегматичном темпераменте, который приписывал Николаю Ерофеичу его троюродный брат⁶⁰, а в тех принципах постепенности и основательности преобразований, приверженцем которых был сенатор Муравьев. Сегодня мы называем такой подход «консервативным реформаторством». «Быть по сему»¹¹, – начертала на докладе Екатерина, вполне разделявшая эту идеологию.

Ровно веком позже внук Николая Ерофеича почти теми же словами будет ратовать за то, чтобы начинать великое дело освобождения крестьян немедленно, но действовать основательно, без спешки. Но об этом позже. Здесь же заметим еще, что доверие императрицы к Н. Е. Муравьеву определялось не только общностью воззрений на стратегию модернизации, но и ее уверенностью в том, что директор канцелярии строительства государственных дорог не подвержен страшной из болезней русского чиновничества – казнокрадству. Рассказывают, что, вопреки своей доброй немецкой привычке внимательно просматривать все счета, она, не читая, надрывала подаваемые им отчеты о расходовании средств.

Одновременно с руководством дорожным строительством Н. Е. Муравьев в качестве сенатора участвовал в разработке концепции генерального межевания. Задачей этого грандиозного начинания было «приведение в подлинную известность» всех земельных угодий России. Первая попытка подступиться к решению этой задачи была предпринята еще при жизни П. И. Шувалова. В 1754 году Елизавета Петровна утвердила порядок проведения работ – межевую инструкцию. На следующий год межевание началось, первоначально в качестве эксперимента, в Московском уезде. Но дело не пошло. Межевая инструкция требовала от владельцев документальных доказательств права на землю, а при отсутствии таковых предполагала отчуждение земель в пользу государства. Землевладельцы усмотрели в этом попытку под благовидным предлогом отрезать у них часть земли и принялись бойкотировать работу межевщиков. За 5 лет в Московском уезде было обмежевано только 359 владений, всего 573 19 десятин⁶². Необходим был какой-то другой подход. В 1764 году Екатерина создала в Сенате комиссию из пяти человек, уважаемых ею за ум и образованность, по исправлению межевой инструкции. Одним из этих пяти стал Н. Е. Муравьев. Еще одним членом комиссии был назначен президент вотчинной коллегии М. К. Лунин. (За его сына Сергея выйдет замуж племянница упомянутого выше Матвея Артамоновича Муравьева Феодосия. Плодом этого союза станет декабрист Михаил Сергеевич Лунин.)

В 1766 году при определяющем участии Н. Е. Муравьева новая инструкция была готова. В отличие от предшествующего варианта она требовала предъявления владельческих докумен-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же: Л. 8 об.–9.

⁶⁰ Записки М [атвея] А[ртамоновича] Муравьева. С. 63.

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 344. № 440-6. Л. 4.

⁶² *Иванов П. И.* Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М.: В тип С. Селивановского, 1846. С. 59.

тов только на те земли, которые были предметом тяжбы, то есть кем-то оспаривались. Взамен трудновыполнимых требований вводился целый ряд новых подходов, анализ которых выходит за рамки нашей темы. И дело сдвинулось с мертвой точки, постепенно набирая темп, обрастая кадрами и методиками. С упорством строителей Великой Китайской стены межевые отряды поколение за поколением «приводили в подлинную известность» неизмеримые, казалось бы, просторы России. За без малого сто лет, отделявшие начало работ от реформы 1861 года, было обмежевано 275 378 747 десятин земли, почти вся Европейская Россия. В течение четверти века одним из руководителей этой титанической работы предстояло быть внуку автора инструкции, главному герою моего рассказа М. Н. Муравьеву. Результаты генерального межевания оставались основой земельных отношений в России вплоть до начала XX века.

Николаю Ерофеичу довелось участвовать в реализации еще одного грандиозного проекта Екатерины – комиссии по составлению нового законодательного уложения. Действовавшее на тот момент уложение было принято в царствование Алексея Михайловича самым представительным органом Московского государства – Земским собором. Вдохновляясь этим примером, Екатерина с подачи уже покойного к тому времени П. И. Шувалова задумала возложить разработку нового законоуложения на небывалый доселе орган – комиссию, состоящую из выборных депутатов от всех сословий и народов России. Императрица лично участвовала в составлении положения о составе комиссии и «обряда» (порядка) выборов. Избрать депутатов предписывалось от дворян, городов, государственных крестьян, однодворцев, казаков, нерусских народов империи. Депутатам устанавливалось жалование. Они получали пожизненный иммунитет от смертной казни, пыток, телесных наказаний. В обряде выборов устанавливалось обязательное личное тайное голосование всех глав семейств указанных сословий. Специально оговаривалось, что при формировании депутатского корпуса «накрепчайше запрещено употреблять ненавистную мзду и лихоимство, под опасением Нашего неминуемого гнева»⁶³.

Руководить работой комиссии должен был выборный же спикер – маршал комиссии. Н. Е. Муравьев избрался в комиссию от дворянства Вотской пятины Новгородского наместничества. Уже в январе он был вызван в Москву для участия в подготовке заседаний комиссии. 30 июля 1767 года невиданное доселе собрание 400 депутатов во главе с императрицей сошло на торжественный молебен в Успенском соборе Московского Кремля, а на следующий день комиссия начала свою работу. На первом заседании состоялись выборы маршала (спикера). В числе пяти претендентов на этот пост значился и Николай Ерофеич Муравьев. Он баллотировался, но проиграл. Выиграл генерал-аншеф А. И. Бибиков.

Трудно сказать, что побудило Николая Ерофеича решиться на участие в выборах маршала. В какой-то степени он, несомненно, был движим честолюбием. Но вряд ли человек с его математическим умом и чиновничьей выучкой мог пойти на такой шаг, не имея если не гарантий, то по крайней мере надежд на чью-то сильную поддержку. Однако с кем и какие он имел договоренности, нам неизвестно.

Муравьев переживал поражение тем более тяжело, что А. И. Бибиков начинал службу так же, как и он, по инженерной части и получил чин инженер-поручика даже на год позже Муравьева. Николай Ерофеич был человеком чувствительным, не случайно же сочинял в молодости стихи и песни. По телосложению короткошеим и тучноватым (пасквилянты называли его в эпиграммах «кабаном»). Как бы то ни было, через несколько дней после проигранных выборов Муравьева хватил удар, и его парализовало. Болел он долго. «Обряд», то есть регламент комиссии требовал, чтобы в случае отсутствия на заседаниях в течение более чем 29 дней депутаты представляли объяснение своего отсутствия либо передавали мандат другому лицу. Выполняя это требование, Бибиков докладывал императрице о длительном отсутствии Муравьева. Екатерина распорядилась осведомиться у больного, скоро ли он надеется получить облегчение.

⁶³ ПСЗРИ 1. XVII. С. 1095.

Ответ был обнадеживающим, и императрица приняла решение сохранить за ним мандат. К концу года ему полегчало до такой степени, что хватило сил жениться.

Тут в нашем повествовании появляется бабушка главного героя – Анна Андреевна Волкова. Ее отец Андрей Андреевич был в 1741 году поручиком лейб-гвардии Семеновского полка. В решающую ночь с 24 на 25 ноября он в числе других офицеров был на карауле в Зимнем дворце⁶⁴ – резиденции младенца-императора Ивана Антоновича и его матери – правительницы Анны Леопольдовны. Когда Елизавета Петровна во главе преобразенцев явилась, чтобы силой занять отцовский трон, Андрей Волков вместе с однополчанами не колеблясь поддержал «Петрову дочь». Это обеспечило ему благорасположение новой императрицы. Больших высот он не достиг, но звание секунд-майора лейб-гвардии Семеновского полка, до которого он дослужился, соответствовало армейскому чину генерал-майора. Да и имение в Ярославской губернии приносило приличный доход. Так что его дочь была неплохой партией для сенатора и инженер-генерал-поручика. К тому же Николай Ерофеич, видимо, женился по любви: невеста была молода и хороша собой. Год рождения Анны Андреевны неизвестен. Но мы знаем, что в 1779 году во втором браке она родила ребенка, то есть была, скорее всего, не старше 40 лет. Соответственно, ее рождение относится к концу 1730-х – началу 1740-х, то есть она была лет на 15–20 моложе мужа. Сохранился ее портрет работы модного тогда русского художника немецкого происхождения К.-Л. Христинека, написанный в июне или июле 1768 года. С него смотрит на нас молодая, чуть полноватая женщина с темными, блестящими, как спелые вишни, глазами и явными признаками беременности – здоровая и красивая будущая мать. Через два месяца она родит мальчика, который станет отцом нашего главного героя.

Анна Андреевна на 35 лет переживет своего первого мужа. После нескольких лет вдовства повторно выйдет замуж за князя А. В. Урусова. Родит второму мужу дочь. Последние годы Анна Андреевна проживет в размолвке со вторым мужем, в одном из многочисленных домов на территории его громадной усадьбы на Большой Дмитровке. Когда ее не станет, ее внук Николай Николаевич Муравьев, будущий покоритель Карса, запишет в своем дневнике: «Она была женщина умная, но строптивого нрава». А один из знакомых семьи Урусовых сообщит своему сыну в письме из Москвы, датированном 11 апреля 1804 года: «Здесь наконец, к общему порадованию родни, умерла княгиня Анна Андреевна Урусова... женщина старая, сумасбродная и великие хлопоты им всем причинявшая»⁶⁵. Думается, однако, что женщина, которую любили такие мужчины, как Н. Е. Муравьев и А. В. Урусов, заслуживает иной эпитафии.

Но вернемся в 1768 год. Тут нам предстоит решить некую загадку. Первый и единственный ребенок четы Муравьевых появился на свет 15 сентября, и произошло это в Риге. Как попали Муравьевы в столицу Лифляндии? Казалось бы, что ответ на этот вопрос проще всего почерпнуть из записок внука Николая Ерофеича – Н. Муравьева (Карского): «Дед мой был генерал-инспектором во времена Екатерины. Он был человек умный и ученый, умер в чужих краях, где в зрелом возрасте продолжал свое образование... Он был также военным губернатором в Риге...»⁶⁶. Вроде бы все ясно, но вот незадача. Пост военного губернатора в Риге (или, что то же, генерал-губернатора) с 1762 по 1792 год бессменно занимал Ю. Ю. Броун. Родом ирландец, он состоял на русской службе с 1731 года, участвовал во множестве войн, дослужился до генерал-аншефа, командовал левым флангом русской армии в битве при Цорндорфе и был тяжело ранен. В 1762 году отказался принять из рук Петра III патент на звание генерал-фельдмаршала и должность главнокомандующего, в глаза заявив вспыльчивому императору о несогласии с его пропрусской политикой. Екатерина высоко ценила в Броуне непоколе-

⁶⁴ Из прошлого: Исторические материалы Лейб-гвардии Семеновского полка / [сост. А. В. Павлов и др.]. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. С. 120.

⁶⁵ Из писем Я.И. Булгакова из Москвы в Неаполь к старшему сыну его Александру Яковлевичу. 1804. 11 апр. // Русский архив 1898. 4: 529.

⁶⁶ Записки Н. Н. Муравьева-Карского // Русский архив: ист. – лит. сб. М.: Универ. тип., 1885. № 9–12. Ч. 1–2. С. 23.

бимую честность, бескорыстие, редкое для того времени, а главное – железную настойчивость в точном исполнении ее воли и не помышляла о его отставке даже тогда, когда он сам просил ее об этом⁶⁷. К тому же Броун имел в Лифляндии крупную земельную собственность и отлично знал этот край. Невозможно представить себе, что Екатерина, пусть даже на короткое время, заменяла его Муравьевым, да и нет никаких достоверных свидетельств об этом. Напротив, есть документальное подтверждение того, что место и обязанности депутата уложенной комиссии Н. Е. Муравьев оставил отнюдь не ради высокой должности в Риге. Это доказательство – пометка против его фамилии в списке депутатов от февраля 1769 года: «Уволен в чужие края»⁶⁸.

Так что сведения Николая Муравьева, скорее всего, неверны. Видимо, внук Николая Ерофеича почерпнул их из семейных преданий, может быть, из рассказов своей бабушки, Анны Андреевны Урусовой, которая сопровождала мужа Николая Ерофеича в его путешествии в Ригу и произвела там на свет своего первенца. Рассказы же эти он мог слышать не позже 1804 года, когда бабушке было лет 70 (по тем временам возраст очень почтенный), а внуку – 10. Вряд ли все это гарантировало точность сведений. К тому же время и место появления этой записи в воспоминаниях Н. Н. Муравьева (Тифлис, 1817 г.) исключали возможность проверки ее точности по документам.

Но и упоминание в семейном предании о «военном губернаторе в Риге» слишком конкретно, чтобы появиться из ничего. Скорее всего, у этого мифа была какая-то фактическая основа. На эту тему можно высказать следующее вполне обоснованное, на мой взгляд, предположение.

Как мы видели, в начале 1768 года болезнь, приведшая к временному параличу, отступила, но не ушла совсем. Чувствуя необходимость продолжить лечение, Николай Ерофеич должен был обратиться к императрице с ходатайством об увольнении от депутатской должности для лечения за границей. Екатерина благоволила Муравьеву и доверяла ему. Поэтому увольнение Н. Е. Муравьева от должности депутата и разрешение на необходимую для восстановления здоровья поездку было оформлено как командировка по высочайшему поручению к лифляндскому губернатору в Ригу (из которой в Европу отправлялось наибольшее количество кораблей, приспособленных для перевозки пассажиров). Это, кстати, давало посланцу право на прогонные, достойный прием со стороны рижских властей и пребывание в Риге на казенный счет. Все это было совсем нелишним, учитывая нездоровье Николая Ерофеича, а также беременность и предстоящие роды его жены. Проведя несколько месяцев в Риге и пользуясь при этом всеми привилегиями и почестями, подобающими посланцу императрицы (отсюда, видимо, и упоминаемое также Николаем Николаевичем причисление деда к ордену меченосцев), Муравьевы отправились морем во Францию.

Что же касается сообщения Николая Муравьева о том, что в чужих краях его дед продолжал свое образование, то само по себе это не исключено. Но то что главной целью вояжа была не учеба, а получение максимально квалифицированной медицинской помощи, недвусмысленно подтверждается конечной точкой путешествия – г. Монпелье на юге Франции. Медицинский факультет университета Монпелье был старейшим и наиболее авторитетным медицинским центром Европы. Именно его выпускники в течение нескольких десятилетий приглашались в качестве лейб-медиков к королевской семье, а сам город и его окрестности на берегу Средизем-

⁶⁷ Записки Нейендала о временах действия в Риге общего городского положения с 1783 по 1797 год. Второй отдел. Материалы для летописи Риги с 1783 по 1797 год // сборник матлов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 390 (примеч. Экардта: «Граф Броун, шотландец по рождению, был с 1763 г. главным начальником лифляндского герцогства»), 392 (примеч. переводчика: «...лифляндским генерал-губернатором он (Броун) был назначен не в 1763 году, а 1 марта 1762 года»), 430 (Броун упоминается как губернатор весной 1791 года).

⁶⁸ Косолатов Б. А. О портретах семьи Волковых работы К. Л. Христинека // Памятники культуры: Новые открытия. Л.: Наука, 1984. С. 334–345.

ного моря слыли лучшим курортом Европы. Но ни теплое море, ни субтропические красоты, ни искусство университетских врачей не смогли предотвратить катастрофу. Николай Ерофеич умер у них на руках в 1770 году. Позже его прах был перевезен в Россию и упокоился на кладбище у освященной в 1753 году церкви Николая Чудотворца в унаследованном от отца сельце Мроткино. (Церковь эта каким-то чудом сохранилась по сей день.)

Я счел полезным более или менее подробно рассказать о Николае Ерофеиче по трем причинам. Во-первых, он был первым из рода Муравьевых, кто вошел в личное соприкосновение с носителями высшей государственной власти Российской империи. К тому же поколению Муравьевых, что и Николай Ерофеич, относятся еще два деятеля, дослужившиеся один до генеральского чина, другой – до сенаторского кресла. Но ни генерал-майор Матвей Артамонович (старший), ни сенатор Никита Артамонович, насколько мне известно, не входили в узкий круг лиц, получавших поручения прямо от венценосца и направлявших должностные доклады непосредственно на высочайшее имя. «В России нет значительного человека, кроме того, с кем я разговариваю, и лишь на то время, пока я с ним разговариваю», – заявил однажды Павел I. Сказано цинично, но точно: в эпоху абсолютизма именно наличием или отсутствием такого соприкосновения определялось место дворянина и его рода в неформальной иерархии людей и родов.

Во-вторых, успешная карьера Николай Ерофеича определила вектор карьерных усилий его потомков на военном поприще: пополнять не офицерство вообще, а очень малочисленные в ту пору ряды военной интеллигенции: преподавателей военных дисциплин, офицеров инженерных войск и Генерального штаба.

И наконец, в-третьих, приоритеты сенатора Муравьева в выборе тем его разработок и выработанный им стиль государственной службы во многом послужили примером и ориентиром для его внука...

Однако двинемся дальше. Вторым дедом М. Н. Муравьева – отцом его матери был Михаил Иванович Мордвинов – соученик, сослуживец и преемник Николая Ерофеича в должности директора канцелярии строительства государственных дорог. Соседские связи родов Муравьевых и Мордвиновых восходят к сороковым годам XVI века. В те годы молодой Иван IV шаг за шагом готовил окончательную победу Москвы над Казанским царством. Одним из таких шагов было покорение и присоединение к Московскому государству союзников Казани – народов Поволжья, в том числе мордвы (мокши и эрзи). После очередного похода московских воевод знатные мордовские роды присягнули на верность Московскому государству. По тогдашнему обычаю присяга на верность сопровождалась добровольной выдачей заложников от присягнувших родов. Такие заложники получали во владение надель на землях великого князя и уравнивались в правах с русскими помещиками.

Один из мордовских заложников – Мурат Мордвинов (в некоторых источниках он ошибочно именуется Жданом) в 1546 году был «испомещен» в Копорском уезде, где к тому времени уже более полувека жили Муравьевы. Он и стал основоположником рода Мордвиновых. В смутное время Копорский уезд вместе со всей Ингерманландией перешел к Швеции. Мордвиновы, как и Муравьевы, покинули насиженное место: тогдашний глава семьи Ждан Мордвинов получил поместье в Обонежской пятине, куда и перебрался с семьей. Михаил Иванович Мордвинов родился в 1730 году. В 1740-м он поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, где к тому времени уже два года учился Николай Ерофеич Муравьев. (В именном списке Николай Муравьев значится под № 6 06, а Михаил Мордвинов под № 749.) Выпущен из корпуса Михаил Мордвинов был в 1747 году инженер-прапорщиком с аттестатом приличным, но не блестящим: «геометрию и регулярную фортификацию закончил, обучается иррегулярной с атакою, рисует ландшафты краскою и портреты миниатюрою, понимает и говорит несколько по-немецки, а в переводах с российского на немецкий язык не весьма силен, обу-

чался верховой езде, фехтовать и танцевать»⁶⁹. К 1761 году Михаил Мордвинов был подполковником артиллерии и заведующим Инженерно-артиллеристской школой. На следующий год произведен в полковники и несколько лет командовал фузилерным полком. В 1767 году был избран депутатом комиссии по составлению уложения, где принял дела заболевшего Николая Ерофеича Муравьева. Еще через 7 лет в чине генерал-поручика был назначен директором канцелярии строительства государственных дорог – на должность, которую некогда занимал Николай Ерофеич. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся сшитые в одну тетрадь доклады Екатерине II с ее собственноручными подписями от директоров канцелярии по строительству государственных дорог Н. Е. Муравьева и М. И. Мордвинова – двух дедов нашего главного героя.

Михаил Иванович был женат на Екатерине Александровне Саблуковой. Далекie предки каких-то Саблуковых (они же Савлуковы) упомянуты в цитированной выше «Поганой книге» как послужильцы Салтыка Травкина, «испомещенные» в Вотской пятине. Впрочем, может быть, это другие Саблуковы – однофамильцы предков Екатерины Александровны. Сами они вели свой род от братьев Савлуков, польских шляхтичей, перешедших на русскую службу и в православие при Алексее Михайловиче, и, возможно, потомков татар на литовской службе.

Отец Екатерины Александровны – Александр Ульянович Саблуков состоял несколько лет кофешенком Елизаветы. Он не только исправно готовил и наливал императрице кофе, но и оказывал ей другие услуги, за что и был пожалован обширными поместьями. Михаил Иванович скончался в 1780 году, не дожив до рождения правнука Михаила 16 лет. Зато бабушка Екатерина Александровна стала его крестной матерью.

Как видим, роды Муравьевых, Волковых, Мордвиновых и Саблуковых имели много общего по своей истории и своему положению. Они вышли из исторической тени при Елизавете Петровне и к концу царствования Екатерины заняли прочное место в верхней когорте нетитулованного российского дворянства. Мы проследили, как Муравьевы породнились с Волковыми и Мордвиновы – с Саблуковыми. До появления на свет нашего главного героя оставался один шаг – заключение брачного союза между представителями двух семейств, Муравьевых и Мордвиновых. Такой союз был основательно подготовлен. С одной стороны, старинными соседскими связями между этими семействами и уже существовавшей традицией породнения. Например, в 1728 году будущий адмирал Семен Иванович Мордвинов женился на дочери Саввы Тимофеевича Муравьева Феодосии (в родословной М. В. Муравьева она ошибочно названа Феодосией Сергеевной)⁷⁰. С другой стороны – тесными служебными связями между Н. Е. Муравьевым и М. И. Мордвиновым, о которых речь шла выше. Судьба сделала все, чтобы соединить их детей.

⁶⁹ Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе штаб-овер-офицерам и кадетам... Ч. I. С. 234.

⁷⁰ *Мордвинов С. И.* Родословие фамилии адмирала Мордвинова: [в 10 т.] / публ. и примеч. В. А. Бильбасова // Архив графов Мордвиновых. Спб.: Тип. Скороходова, 1901. Т. 2.

III. Родители. Детство и отрочество

Единственному сыну Николая Ерофеича на момент смерти отца было два года. Звали его, как и отца, Николаем. Его мать после смерти супруга осталась не без средств: ей достался, в частности, большой дом, выстроенный мужем на Неве неподалеку от дворца Меншикова. Позже дом был продан, что заставляет думать о возникших материальных затруднениях.

После четырех лет вдовства Анна Андреевна Муравьева вышла замуж за князя Александра Васильевича Урусова. А. В. Урусов служил в лейб-гвардии Семеновском полку вместе с ее отцом и был влюблен в Анюту Волкову еще до того, как она стала женой Николая Ерофеича.

Князь Урусов имел несколько странную репутацию. Не получив никакого наследства, он был тем не менее очень богат: владел домом на Английской набережной в Санкт-Петербурге, большой усадьбой с многочисленными постройками на Большой Дмитровке в Москве. Главный дом усадьбы был настолько вместителен, что в нем одно время помещался Английский клуб, а во второй половине XIX столетия разместился Лицей цесаревича Николая. (Сейчас на месте усадьбы Урусова стоят дома 9–11 по Б. Дмитровке. Территория за первым рядом домов расчищена под новую застройку. Сохранен только один дом – вместительное трехэтажное здание с едва различимыми после множества перестроек признаками московского классицизма XVIII века. По всей видимости, это и есть главный дом усадьбы Урусова.) Кроме того, А. В. Урусов владел большим поместьем Осташево в Волоколамском уезде и несколькими деревнями в других губерниях. Все это богатство было приобретено с помощью карточной игры – крупной и неизменно удачливой. Тем не менее никто и никогда не мог уличить князя в нечестной игре, хотя попыток было предостаточно.

Александр Васильевич не был ласков со своим пасынком, но для его карьеры и образования сделал не меньше, чем мог сделать самый заботливый отец. Д. А. Кропотков сообщает, что отчим записал шестилетнего Николая унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк, а еще через 4 года переписал во флот мичманом. Здесь биограф что-то путает: при Екатерине звание мичмана было обер-офицерским и без экзамена его получить было невозможно. Вероятно, речь идет об унтер-офицерском звании шхипера. Одновременно Николай получал общепринятое домашнее образование: иностранные языки, основы математики, история, география, риторика, Закон Божий, фехтование, верховая езда, музыка, танцы. По достижении пасынком 16 лет кн. Урусов отправил его в сопровождении приглашенного наставника и с приличным денежным содержанием в Страсбургский университет.

Тогда это был один из лучших университетов Европы, соединявший в себе немецкую основательность и французский прогрессивизм. В нем обучались многие члены европейских августейших фамилий. За несколько лет до поступления туда Николая Муравьева в Страсбурге учился Гёте. Особенно сильным здесь считалось преподавание математики и военных наук, которым и посвятил себя Н. Муравьев. 1784–1788 годы, проведенные Муравьевым в Страсбурге, были годами, когда в академических кругах Франции господствовали идеалы Просвещения. Поэтому вместе с фундаментальными знаниями он усвоил приверженность принципам гуманизма. Этот симбиоз и определил его мировоззрение, а позже в значительной мере и мировоззрение его сыновей.

Д. А. Кропотков рассказывает далее, что, вернувшись на родину, Н. Муравьев блестяще сдал экзамен на звание лейтенанта флота. Здесь снова ошибка. Такого звания во флоте при Екатерине не было вовсе. Вероятно, речь шла о звании мичмана, что соответствовало армейскому званию поручика. Последующие два года Николай проходил морскую практику на датских военных кораблях (Дания была союзницей России) и в 1790 году, 22 лет от роду, получил под свое командование первый корабль – гребную галеру «Орел».

28 июня «Орел» принял участие в так называемом Втором Роченсальмском сражении со шведским флотом. Здесь произошел эпизод, оказавший влияние как на биографию Николая Николаевича, так и на его, а может быть, и не только его, воззрения на некоторые реалии тогдашней России.

Русской эскадрой в этом сражении командовал немец – герцог Нассау-Зиген. Командиром авангарда гребного флота был назначен граф Ю. П. Литта – 27-летний отпрыск знатного итальянского рода. Храбрец и красавец, он плохо знал по-русски, что не помешало ему получить за участие в Первом Роченсальмском сражении (1789) звание вице-адмирала и золотое оружие за храбрость. «Орел» входил в авангард, которым командовал Литта, но ни накануне битвы, ни в самый день ее Муравьев не получил от своего непосредственного командира никаких указаний относительно места и задач «Орла» в ходе предстоящего сражения. Наконец, уже в виду неприятеля, Муравьев подвел свою галеру вплотную к кораблю командира авангарда и по-французски прокричал стоявшему на палубе графу Литта вопрос, без ответа на который никакой организованной морской бой, по его (Муравьева) разумению, был невозможен: «Где мое место?» – то есть какое место должен занять «Орел» в строю русских кораблей. Ответ итальянца, красивый по форме, по сути был одновременно отговоркой и скрытым упреком, то есть провокацией: «Un homme d'honneur saura trouver sa place» («Человек чести найдет свое место»). 21-летний капитан «Орла» понял, что ему и его команде предлагается умереть с честью. Он неожиданно направил галеру прямо в гущу шведского флота и открыл огонь с обоих бортов, нанося противнику ощутимый урон. Но, как и следовало ожидать, шведы быстро оправились и обрушили на дерзкую галеру шквал огня. Судно начало тонуть. Муравьев выбросил судно на мель, пересадил экипаж на спасательные шлюпки, а сам вплавь пустился к ближайшему русскому судну, но был ранен и оказался в плену.

Так изложен этот эпизод в первой и, насколько мне известно, единственной книге, посвященной Н. Н. Муравьеву (Муравьеву 1-му, или Н. Н. Муравьеву-отцу, как его стали называть в литературе, чтобы не путать с его полными тезками: сыном Н. Н. Муравьевым (Карским) и пятиюродным внуком Н. Н. Муравьевым-Амурским). Эта небольшая книжка была написана Н. В. Путятой и вышла под заглавием «Генерал-майор Н. Н. Муравьев» в Санкт-Петербурге в 1852 году. Н. В. Путята учился в муравьевской школе колонновожатых (о ней – позже) и, по всей вероятности, слышал этот рассказ от самого Николая Николаевича. Возможно, какие-то детали событий 1790 года переданы у него неточно, но главное – причинно-следственная связь между провокационным ответом Литты на вполне правомерный вопрос Муравьева и самоубийственной атакой «Орла» в одиночку против всей шведской эскадры, – скорее всего, было изложено Н. Н. Муравьевым и записано с его слов верно. Ведь речь шла о самом ярком и к тому же поворотном событии молодости рассказчика.

Итоги битвы были катастрофическими для русского флота. И тем не менее Литта получил за участие в нем алмазный бант к своему золотому оружию. Муравьева же шведы вылечили и через несколько месяцев отпустили на родину. Источники молчат об этом, но мы знаем, что в соответствии с Петровским морским уставом в России его ждало расследование на предмет возможной его вины в гибели судна. К счастью, его объяснения были признаны удовлетворительными, и он не был наказан.

Попробуем поставить себя на место Муравьева. Он получил лучшее в Европе военное образование, блестяще сдал специальный экзамен, прошел серьезную морскую практику, свободно говорил на трех иностранных языках. И все это чтобы выслушивать надменные и невежественные назидания от почти ровесника, поставленного над ним и другими русскими офицерами только за то, что он итальянский граф, от военачальника, не выполняющего свои прямые обязанности и даже не понимающего языка людей, которыми взялся командовать. Знать все это, знать и то, что надменный иноземец щедро награжден, а ты едва избежал наказания... Нет, с этим не мирятся разум и чувство справедливости. И дело здесь не в личных качествах

того или иного иностранца, а в системе, оскорбительной для русских в России. Позже Николай Николаевич донесет это чувство уязвленной национальной гордости до своих сыновей. И многое в дальнейшей истории семьи Муравьевых будет замешано на этом чувстве.

Но это будет еще не скоро. Пока же, вернувшись из плена, Муравьев получил под свою команду другой корабль и часто бывал в не особенно продолжительных плаваниях. В промежутках жил в Петербурге, ездил с визитами. В числе посещаемых им домов была и семья покойного Михаила Ивановича Мордвинова – отца однокашника, сподвижника и преемника как в канцелярии строительства государственных дорог, так и в уложенной комиссии. Старшая дочь Михаила Ивановича Варвара уже была замужем – за дальним родственником Николаем Александром Федоровичем Муравьевым, будущим петербургским полицмейстером. Вдова Екатерина Александровна жила с двумя незамужними дочерьми. Старшая из них – Александра была на год моложе 22-летнего Николая. Она была красавицей (сохранился портрет), с хорошим домашним образованием, очень набожная. Он – морской офицер, раненный в битве, по-европейски образованный, из хорошей семьи, связанной с Мордвиновыми бесчисленными нитями... 11 мая 1791 года они обвенчались в церкви Андрея Первозванного на Васильевском острове.

Первенец Николая и Александры Муравьевых появился на свет в октябре 1792 года и был наречен по матери – Александром. Второй сын родился в июле 1794-го и получил имя отца – Николай. В октябре 1796 года Александра Михайловна разрешилась третьим сыном – Михаилом.

Михаил (тогда Михаилы большей частью не только звались, но и писались «Михайлами»; в производном от имени отчестве мы и сегодня говорим не «Михаилович», а «Михайлович») родился в Петербурге 1 октября 1796 года и был крещен в Благовещенской церкви на Васильевском острове. Воспреемниками были его бабушка Екатерина Александровна Мордвинова и ее брат – Александр Александрович Саблуков. Мать и отчим Николая Николаевича жили в Москве и на крещение внуков не ездили.

В том же году, после воцарения Павла I, Н. Н. Муравьев совершенно неожиданно был переведен в кавалерию с переименованием из капитана второго ранга в подполковники. Неожиданные решения такого рода были вполне в духе нового императора, но от этого было не легче тому, кто всю жизнь служил на флоте и вдруг должен был заниматься лошадьми и выездкой. Николай Николаевич подал в отставку и поселился с семьей в родовом имении Сырец в пятнадцати верстах от Луги Петербургской губернии. Здесь он стал заниматься хозяйством. Местные дворяне избрали его уездным предводителем, из чего видно, что сильно богатых и чиновных помещиков в уезде не было.

Что представлял собой Сырец в тот период, мы точно не знаем. Известно, однако, что пятнадцатью годами позже Сырец был небольшой деревней с пятью десятками душ (мужского пола), то есть всего около двух десятков крестьянских дворов, расположенных неподалеку от небольшого господского дома. На рисунке, сделанном в 1812 году, мы видим домик с крыльцом и двумя окнами по фасаду.

(В 2016 году сырецкие старожилы показывали мне развалины колхозной школы и рассказывали, что построена она была на фундаменте барского дома. Старинный ледник, выложенный камнем бассейн маленького садового фонтана и вековые, совсем не лесные деревья, обнаруженные нами вблизи развалин, подтверждают этот рассказ.)

В известной книге Н. А. Задонского «Жизнь Муравьева» Сырец описывается как низкое, болотистое и нездоровое место. Д. А. Кропотков, напротив, утверждает, что место было благоприятным для детей Николая Николаевича и Александры Михайловны, и именно благодаря тому, что они росли и развивались на свободе, среди сельской природы, они обладали в зрелые

годы отменным здоровьем и дожили до преклонных лет⁷¹. Описание Задонского вряд ли верно. Барский дом и крестьянские дворы стояли на довольно высокой для лужского ландшафта горе, круто спускающейся к озеру. Сегодня оно заболочено и зарастает осотом, но в давние годы украшало ландшафт.

Пожить деревенской жизнью маленькому Михайле пришлось недолго. Так что если сырецкий воздух и был ему полезен, то надышаться им на всю жизнь он вряд ли успел. Старшим братьям повезло несколько больше. Через много лет, в 1812 году, по дороге в действующую армию они втроем заезжали в Сырец и здесь выяснили, что детские воспоминания об отчем доме хранили только старшие – Александр и Николай, а в памяти Михайлы мало что сохранилось⁷². Это и понятно: Михайле не было и пяти лет, когда Муравьевы покинули Сырец и переехали в Москву.

Этот переезд стал результатом нескольких обстоятельств. Во-первых, сыновья подрастали. Старшему шел десятый год. Пора было всерьез заниматься их образованием. Родители делали что могли: обучали детей грамоте, французскому, основам математики. Но о солидном домашнем образовании в сырецкой глуши да при скудности доходов от небольшой и небогатой деревеньки нечего было и думать. В Москве жили мать и отчим Николая Николаевича. Они были богаты, но вечно заняты ссорами с родней и друг с другом. Да еще своей общей дочерью Соней. В 1800 году она вышла за соседа Урусовых по московской усадьбе барона Александра Сергеевича Строганова. (Этого Строганова не следует путать с его полным тезкой бароном Александром Сергеевичем Строгановым, 1733 года рождения, графом Св. Римской империи, меценатом и хозяином Строгановского дворца в Петербурге, тем, который в юности брал уроки математики у Н. Е. Муравьева.) Муж Софьи Урусовой был, конечно, не так богат, как его тезка, но тоже не беден. Молодые ждали первенца. 26 апреля 1801 года, через шесть дней после рождения дочери Соня Строганова умерла от родильной горячки. Малютка пережила ее всего на 10 дней.

Для Александра Васильевича и Анны Андреевны это был страшный удар. Соня была поздним ребенком, поскребышем. Когда она родилась, матери было под сорок, отцу далеко за пятьдесят. Таких детей особенно любят и берегут. И вот дочери не стало. Осиротевшие родители старались удалить от себя все, что напоминало об утрате. Продали предназначавшееся для дочери имение Люблино: оно соседствовало с усадьбой Кузьминки, а Кузьминки в ту пору принадлежали кому-то из Строгановых и тем напоминали о потере. Но горе не уходило. Его выразительно передает неуклюжая по форме и потому особо трогательная надпись на памятнике, воздвигнутом Урусовыми на могиле дочери и внучки: «Се счастье наших дней сокрыто в гробе сем. / При старости лишены нашей нежной дщери. / Предвечный Бог! Отри токи горьких слез / Тебе себя и их на веки мы вручаем».

Выраженное в этих явно самодельных строках чувство одиночества перед лицом надвигающейся старости, видимо, и побудило князя Урусова обратиться к пасынку с предложением переехать с семьей в Москву и взять на себя управление обширными княжескими имениями. Со своей стороны князь обещал Николаю Николаевичу приличное содержание, достаточное для образования сыновей, и большую часть своего состояния по завещанию.

Предложение отчима стало вторым обстоятельством, побудившим семью Муравьевых к переезду. Оно было не слишком привлекательным: выпускнику Страсбургского университета, морскому офицеру роль управляющего, даже у собственного отчима, вряд ли казалась блестящей перспективой. Но ничего другого не просматривалось. «Родители мои не имели достаточно средств, чтобы дать нам должное воспитание, почему и согласились принять пред-

⁷¹ Жизнь графа М. Н. Муравьева... С. 34–35.

⁷² Записки Н. Н. Муравьева-Карского. Ч. 1–2. С. 32.

лагаемую им обузу и поступить в истинную кабалу к князю Урусову», – сообщает в своих «Записках» Николай Муравьев-младший⁷³.

Кстати, об этих «Записках», на которые мы будем часто ссылаться. Николай Николаевич вел их почти всю жизнь: с отъезда из Москвы на Кавказ в 1815 году и почти до самой смерти в 1866-м. Записи о пережитом Николай делал, как правило, по свежим следам, пока еще не стерлись в памяти детали. Позже возвращался к написанному, что-то вычеркивал, чтобы не компрометировать упоминаемых им лиц. Что-то добавлял с позиций приобретаемого с годами опыта. Но в основе оставались первоначальные дневниковые заметки, изобилующие яркими деталями и дышащие эмоциями непосредственного участия в описываемых событиях...

В 1801 году Николай Николаевич Муравьев-отец с женой и тремя сыновьями переехал в Москву и поселился в одном из просторных флигелей усадьбы своего отчима на Большой Дмитровке. Опасения Николая Николаевича оправдались. Князь был брюзглив и весьма прижимист. Назначенное пасынку денежное содержание невелико – 5 тыс. руб. в год. В «Записках» Николая Николаевича-младшего есть рассказ о том, как старый князь ссудил пасынку по его просьбе 2 тыс. руб., а потом мучил его непрерывными напоминаниями об этом долге. Тем не менее дети звали князя Урусова дедушкой и относились к нему уважительно. Бабушка Анна Андреевна жила в той же усадьбе на Большой Дмитровке, но в ссоре с мужем и отдельно от него. В сознании внуков она едва присутствовала. Ее смерть в 1804 году, судя по всему, не оставила в их сердцах сколько-нибудь глубокого следа.

Работы по управлению княжескими именьями было много. Дела были запущены. Приходилось много ездить, разбираться с вороватыми старостами и управляющими. А в Москве много времени у Николая Николаевича уходило на занятия в масонской ложе, в которой он через несколько лет достиг довольно высокого положения.

На момент переезда в Москву Александру было 9, Николаю 7 и Михаилу 5 лет. Скоро началась серьезная учеба. В дом пригласили французского и английского гувернеров, приходил и давал уроки немец. Математику сыновьям преподавал отец. С 1796 по 1804 год у Муравьевых не было прибавления в семействе и мать могла посвятить себя сыновьям. Мы очень мало знаем об Александре Михайловне. Несмотря на все старания, мне удалось найти совсем немного документов, чуть-чуть проливающих свет на ее жизнь. Один из этих документов – переписка Михайлы с его кузиной, дочерью матеиного брата Николая Соней Мордвиновой. Эта переписка началась в 1804 году, когда Михайле было 8 лет. Велась она по-французски и, видимо, была для детей и игрой, и языковым упражнением, и способом личного, иногда довольно интимного общения. Первое из дошедших до нас писем датировано 28 марта 1804 года. Мальчик благодарит за подарок (очевидно, пасхальный) – кошелек. Далее сообщает, что бабушка подарила ему часы, а мама сама сплела к ним шнурок и купила печатку (вероятно, для запечатывания писем). Бабушка – это, скорее всего, Екатерина Александровна Мордвинова. Она была Мишиной крестной и вряд ли могла оставить своего крестника без подарка на Пасху. Бабушка Урусова умрет в апреле того же года и в конце марта вряд ли могла думать о подарке внуку. Да мы и вообще не знаем, имела ли она обыкновение одаривать внучат. Хотя возможно и то, что очень даже имела, а умерла скоростижно и успела оставить внучку память о себе. Кто знает?

То, что мама подарила сыну не купленный в лавке дежурный подарок, а сама сплела шнурок для часов, которые бабушка припасла для подарка внуку, – факт говорящий. Говорящий о том, что Александра Михайловна, кстати, на ту пору беременная, умела находить время, чтобы каждому ребенку подарить что-то особенное. Из другого письма Соне Мордвиновой мы узнаем, что «матушка родила маленькую сестру, которую назвали Софи»⁷⁴. Матушка вообще

⁷³ Записки Н. Н. Муравьева-Карского. Ч. 1–2. С. 20.

⁷⁴ Письма Муравьева (Виленского), гр. Михаила Николаевича, к Корсаковой (ур. Мордвиновой) Софье Николаевне,

главное действующее лицо переписки детей. В письме от 30 ноября 1805 года Миша сообщает, что матушка купила ему скрипку за 20 руб. и наняла учителей по фехтованию и по английскому языку. Скрипка, судя по всему, не оставалась без дела. В одном из писем Михайла предлагает Соне сыграть вместе – она на клавесине, он на скрипке. Впрочем, встречаются и другие сюжеты, в том числе неожиданные. «Не выходите за мусью Корсакова, – пишет Миша 15 февраля 1805 года. – Прощайте моя дорогая женщина (или жена – по-французски это одно и то же слово. – П. Ф.) я Вас люблю», – все без знаков препинания⁷⁵. Может, это шутка, а может и первая детская влюбленность. Из дальнейшего мы увидим, что в юные годы Михаил Муравьев был влюбчив. Как бы то ни было, детская переписка была началом долгой, на всю жизнь, дружбы Михаила Муравьева с Софьей Мордвиновой, которая позже все-таки стала Корсаковой. Последнее письмо он напишет ей в 1866 году за несколько недель до своей смерти.

Между тем учеба братьев Муравьевых становилась все серьезнее. Об этом мы узнаём из записок Семена Корсакова – их троюродного брата по материнской линии. Семен Корсаков был пятью годами взрослее старшего из братьев Муравьевых, но многие предметы изучал вместе с ними: физику, логику, минералогию, математику. (С. Н. Корсаков станет изобретателем «идеоскопа» и «компаратора» – первых механических устройств для поиска и сравнения записей в больших массивах с использованием перфорированных карт. В 1832 году он представит свои изобретения в Академию наук, но они не будут поняты академиками. Пионером русской кибернетики С. Н. Корсаков будет признан только в конце XX – начале XXI века.) Миша, младший, первые годы не поспевал в учебе за братьями, и они дразнили его «тупягой»⁷⁶

1805 г. // ОР РГБ. Ф. 137 (Корсаковы). Папка 111. № 2 1. Л. 15–15 об.

⁷⁵ Там же. Л. 8 об.

⁷⁶ Жизнь графа М. Н. Муравьева... С. 44.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.